

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 9
сентябрь 2022

«Представляется целесообразным изменить парадигму понимания участия ребенка в суде и создать новую концепцию, имплементирующую положение ч. 2 ст. 12 КПр 1989 г. о безусловном характере права ребенка быть заслушанным»

Чечулина А.А. «К вопросу о реализации права ребенка быть заслушанным в суде»

Стр. 18

- Проблемы институционализации стандарта доказывания в отечественном гражданском процессе
- Критерии оспаривания займа по безнадёжности: тенденции правового регулирования и пути гармонизации судебной практики
- Право на информированность (уведомление) участников уголовного судопроизводства: проблемы правоприменения
- Самозанятые лица как субъекты предпринимательского мошенничества
- Особенности исковой формы защиты права в административном судопроизводстве

ISSN 1812-3791

9 771812 379776 >

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

ПИ № ФС77-57988 от 28 апреля 2014 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно.

№ 9/2022

Учредители: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ», СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

3 Звягина Н.С. Проблемы институционализации стандарта доказывания в отечественном цивилистическом процессе

9 Ярошенко Т.В. Правовая природа электронных доказательств в гражданском процессе: некоторые проблемные вопросы

14 Кульчиков Д.Е. Критерии оспаривания займа по безнадёжности: тенденции правового регулирования и пути гармонизации судебной практики

18 Чечулина А.А. К вопросу о реализации права ребенка быть заслушанным в суде

23 Лебедев М.Ю. Границы диспозитивности при корректировке исковых требований в суде апелляционной инстанции

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

29 Волосова Н.Ю. Право на информированность (уведомление) участников уголовного судопроизводства: проблемы правоприменения

33 Абдулазизов М.К. К вопросу о юридической квалификации транснациональной организованной преступности в сфере отмывания денежных средств

38 Оганесян Т.Г. Самозанятые лица как субъекты предпринимательского мошенничества

43 Миргородская Э.Р. Распределение бремени доказывания при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ

СУДОПРОИЗВОДСТВО

47 Августина И.Д. Особенности исковой формы защиты права в административном судопроизводстве

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

51 Вражнов А.С., Никонович С.Л. К вопросу о требованиях к уровню образования и профессиональному опыту для представителей отдельных профессий (должностей) правоохранительных и судебных органов в военной сфере

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

56 Князькина А.К. Пределы применения судами общей юрисдикции положений международных договоров, содержащих уголовно-правовые нормы

ДИСКУССИЯ. РЕЦЕНЗИЯ

60 Антонова Е.Ю., Голик Ю.В., Коробеев А.И.

Есть ли будущее у института уголовной ответственности юридических лиц? Рецензия на книгу: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 248 с.

Судьялар олий кенгаши

Судьялар олий мактаби

Подписка по России:

«Почта России». Электронный каталог — П1774;

а также через www.lawinfo.ru

Формат 60 x 90/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 4000 экз. Цена свободная.

Подписано в печать: 25.08.2022. Дата выхода в свет: 08.09.2022.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

ISSN 1812-3791

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Бабкин А.И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алауханов Е.О., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан;

Андреева Т.К., к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Гусев А.В., д.э.н., профессор;

Добрынин К.Э., статс-секретарь Федеральной палаты адвокатов РФ;

Ершов В.В., д.ю.н., профессор;

Запольский С.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда РФ, д.ю.н., профессор;

Лебедев В.М., Председатель Верховного Суда РФ, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Сидоренко Ю.И., судья Верховного Суда РФ в отставке

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дедов Д.И., д.ю.н., доцент;

Жилин Г.А., судья Конституционного Суда РФ в отставке, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Нешатаева Т.Н., судья Суда Евразийского экономического союза, д.ю.н., профессор;

Орлов А.В., председатель Арбитражного суда Центрального округа, к.ю.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, академик РАО, заслуженный юрист РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Бельх В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф., Трубецкой Ю.В.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Фото на обложке: фотобанк Лори

РЕДАКЦИЯ: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

ВЕРСТКА: Курукина Е.И.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.02; 12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 – юридические науки).
Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

RUSSIAN JUDGE

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATIONAL EDITION.
REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING IN THE SPHERE
OF MASS COMMUNICATIONS, COMMUNICATION AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE.
PI No. FC77-57988. APRIL 28, 2014. PUBLISHED SINCE 1998. PUBLISHED MONTHLY.

No. 9/2022

Founders: JURIST PUBLISHING GROUP, JUDICIAL DEPARTMENT AT THE SUPREME COURT OF THE RF

CONTENTS

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- 3 N.S. Zvyagina.** Problems of Institutionalization of the Standard of Proving in the National Civil Procedure
9 T.V. Yaroshenko. The Legal Nature of Electronic Evidence in a Civil Procedure: Some Challenging Issues
14 D.E. Kulchikov. Criteria of Loan Challenging Due to Non-Collectability: Legal Regulation Tendencies and Judicial Practice Harmonization Ways
18 A.A. Chechulina. On Exercising of the Child's Right to Be Heard in Court
23 M.Yu. Lebedev. Dispositivity Limits in the Course of Claim Adjustment in a Court of Appeal

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- 29 N.Yu. Volosova.** The Right to Be Informed (Notified) of Parties to Criminal Proceedings: Law Enforcement Problems
33 M.K. Abdulazizov. On the Legal Qualification of Transnational Organized Crime in the Money Laundering Sphere
38 T.G. Oganessian. Self-Employed Persons as Subjects of Entrepreneurial Fraud
43 E.R. Mirgorodskaya. Distribution of the Burden of Proof in Review of Complaints in Accordance with Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

JUDICIAL PROCEEDINGS

- 47 I.D. Avgustina.** Peculiarities of the Claim Form of Protection of Right in Administrative Proceedings

THE JUDICIARY

- 51 A.S. Vrazhnov, S.L. Nikonovich.** On Requirements for the Level of Education and Professional Experience of Representatives of Separate Professions (Positions) of Law Enforcement and Judicial Authorities in the Military Sphere

INTERNATIONAL RELATIONS

- 56 A.K. Knyazkina.** Limits of Application of Criminal Law Provisions of International Agreements by General Jurisdiction Courts

DISCUSSION. REVIEW

- 60 E.Yu. Antonova, Yu.V. Golik, A.I. Korobeev.** Is There a Future for the Institution of Criminal Liability of Legal Entities? Review of the Book: Fedorov A.V. Criminal Liability of Legal Entities in Countries of the Former Soviet Union : Monograph. Moscow : YurLitinform, 2022. 248 p.

Subscription in Russia:

Russian Post. Digital Catalogue — П1774

and also through www.lawinfo.ru

Size 60 x 90/8. Offset printing.

Offset paper № 1. Printer's sheet 6,0.

Conventional printed sheet 6,0.

Circulation 4000 copies. Free market price.

Passed for printing: 25.08.2022. Edition was published: 08.09.2022.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

2, Svetlaya st., Kaluga, 248031.

ISSN 1812-3791

EDITOR IN CHIEF OF JOURNAL:

Babkin A.I.

EDITORIAL BOARD:

Alaukhanov E.O., LL.D., Professor,
Honored worker of the Republic of Kazakhstan;
Andreeva T.K., PhD (Law), Professor,
Honored Lawyer of the RF;
Gusev A.V., Doctor of Economics, Professor;
Dobry'nin K.E., the State Secretary
of the Federal Chamber of Lawyers of the RF;
Ershov V.V., LL.D., Professor;
Zapol'skij S.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Zor'kin V.D., Chairman, the Constitutional Court of the RF,
LL.D., Professor;
Lebedev V.M., Chairman, the Supreme Court
of the RF, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Sidorenko Yu.I., Judge of the Supreme Court (retired)

EDITORIAL STAFF:

Dedov D.I., LL.D., Associate Professor;
Zhilin G.A., Judge of the Constitutional Court of the RF
in resignation, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the RF;
Neshataeva T.N., Judge of the Court of the Eurasian Economic
Union, LL.D., Professor;
Orlov A.V., the Chairman of the Arbitration court
of the Central district, PhD (Law)

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., Professor, Academician of the RAE, Honored
Lawyer of the RF

DEPUTY EDITORS IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov E.H., Platonova O.F.,
Truncevskij Yu.V.

CENTRE FOR EDITORIAL SUBSCRIPTION:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Photo of the cover: Lori Photobank

EDITORIAL OFFICE: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

LAYOUT: Kurukina E.I.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Telephone of the Editorial Staff: (495) 953-91-08.

Address of Editorial office / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb, Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

The journal is included in the database Russian science citation index.

Recommended by the Supreme Attestation Commission under
the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of PhD and doctoral theses (12.00.02;
12.00.03;12.00.10;12.00.11; 12.00.15 – law science).
Copyright reserved. Complete or partial reproduction of authors'
materials without prior written permission of the authors
or the Editorial Staff shall be subject to legal prosecution.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-9-3-8

Проблемы институционализации стандарта доказывания в отечественном цивилистическом процессе

Звягина Наталья Сергеевна,

старший преподаватель кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Юридического института Кемеровского государственного университета
natalia.sheglova@list.ru

Настоящая статья посвящена проблеме институционализации стандарта доказывания в цивилистическом процессе Российской Федерации. В рамках исследования автором проанализированы стандарты доказывания, существующие в зарубежных правовых порядках, а также стандарты доказывания, применяемые сегодня в практике российских судов. В работе сделан вывод о том, что заимствование зарубежной терминологии и конкретизация стандартов доказывания упростит их применение на всех уровнях правосудия. Автором обосновывается, что институционализация стандарта доказывания в отечественном процессе создаст благоприятные условия для управления процессуальными рисками и их минимизации.

Ключевые слова: стандарт доказывания, состязательность, процессуальный риск, правовая определенность, процессуальная экономия.

Problems of Institutionalization of the Standard of Proving in the National Civil Procedure

Natalya S. Zvyagina

Senior Lecturer of the Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure of the Law Institute of the Kemerovo State University

This article is devoted to the problem of institutionalization of the standard of proof in the civil process of the Russian Federation. As part of the study, the author analyzed the standards of proof that exist in foreign legal orders, as well as the standards of proof used today in the practice of Russian courts. The paper concludes that borrowing foreign terminology and specifying the standards of proof will simplify their application at all levels of justice.

Keywords: standard of proof, competitiveness, procedural risk, legal certainty, procedural economy.

Под институционализацией принято понимать превращение какого-либо явления в упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, иерархией, дисциплиной, правилами поведения. Одним из необходимых условий появления новых, в том числе и правовых, институтов служит соответствующая социальная или смежная с ней потребность¹.

Анализ судебной практики, в том числе практики высших судебных инстанций², свидетельствует о том, что объектив-

ная потребность в определении стандарта доказывания в российском обществе уже сформировалась.

Значение институционализации стандарта доказывания в отечественном цивилистическом процессе в настоящее время заключается в том, что посредством четкого понимания, установленного по тому или иному делу стандарта доказывания, стороны и иные участники процесса смогут с большей степенью эффективности и определенности распоряжаться своими процессуальными правами, совершать те или иные процессуальные действия, что позволит минимизировать

¹ Курячая М.М. Конституционно-правовые предпосылки институционализации гражданской активности // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 8–11.

² См., например: Определение Верховного Суда РФ от 30 июля 2020 г. № 304-ЭС19-25557(3) по делу № А46-10739/2017; Определение Верховного Суда РФ от 20 мая 2022 г. № 310-ЭС22-

7407 по делу № А08-5575/2020; Определение Верховного Суда РФ от 8 сентября 2021 г. № 304-ЭС21-17000 по делу № А03-1204/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

их процессуальные риски и делает процесс более транспарентным.

Понятие «стандарты доказывания» чуждо традиции российского права. При этом оно активно используется в странах англосаксонской правовой семьи. Так, в рамках уголовного и гражданского процесса в странах англосаксонской системы выработаны особые модели распределения рисков принятия ошибочного решения, позволяющие судьям ориентироваться в вопросе о допустимом уровне сомнений, — они и получили название «стандарты доказывания»³.

В Англии сейчас, например, используются следующие стандарты доказывания: «баланс вероятностей», который выражается в субъективной уверенности в истинности доказываемого факта на уровне более 50%. Данный стандарт обычно применяется при рассмотрении гражданских споров. А также «вне разумных сомнений», используемый обычно в уголовных делах при реализации обвинением своего бремени доказывания, предполагает необходимость куда большей уверенности судьи (присяжных) в истинности спорного факта.

В США применяются следующие стандарты: «превалирование доказательств» — примерный аналог английского баланса вероятностей, «вне разумных сомнений» и «ясные и убедительные доказательства»⁴.

Континентальный процесс в целом использует в настоящее время гибкий стандарт доказывания, не пытаясь обозначать уровни субъективной уверенности конкретными понятиями, а давая судам возможность, не выражая явно, выбирать на их субъективный взгляд наиболее разумный и уместный в конкретном деле стандарт. Это обеспечивает мак-

симальную гибкость при рассмотрении споров, но формирует неопределенность в отношении содержания применяемых стандартов⁵.

В настоящее время в науке гражданского процесса выводится множество понятий «стандарта доказывания» применительно к отечественному процессу.

Так, например, И.В. Решетникова определяет стандарт доказывания как критерий, согласно которому судья выносит решение по делу⁶. С.Л. Будылин как критерий для установления фактов на основе оценки представленных доказательств⁷. По мнению Д.И. Смольникова, стандарт доказывания представляет критерий достаточности доказательств в странах общего права⁸. А.Г. Карапетов рассматривает стандарты доказывания в качестве требуемой степени достоверности доказательств, при которой суду следует признавать факт доказанным⁹. В научной литературе можно встретить и другие определения «стандарта доказывания»¹⁰.

Стоит отметить, что данные понятия в целом не противоречат друг другу и отчасти являются взаимодополняющими, вместе с тем единого и полного определения «стандарта доказывания» на

³ Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск. С. 3–96.

⁴ См., например: Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург, 1997.

⁵ Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование.

⁶ Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997.

⁷ Будылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3. С. 25–26.

⁸ Смольников Д.И. Мифы о стандартах доказывания // Закон. 2015. № 12. С. 199–205.

⁹ Карапетов А.Г. Проблемы доказательственного права: итоги круглого стола от 24 февраля 2014 г. URL: https://zakon.ru/blog/2014/03/19/problemny_dokazatelstvennogo_prava_itogi_kruglogo_stola_ot_24_febralya_2014

¹⁰ См., например: Барышников П.С. Эмпирические методы в науке гражданского процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11. С. 26–34; Макаров П.Н. Обзор новелл гражданского законодательства, упрощающих взыскание убытков кредитором (с учетом позиций Пленума Верховного Суда РФ) // Закон. 2016. № 12. С. 149–160.

сегодняшний день нет, что также создает определенные трудности для его полноценного внедрения в отечественную правовую систему, а следовательно, и для институционализации.

В свете данной проблемы обоснованной представляется позиция профессора И.В. Решетниковой о том, что на уровне судебной практики выражена потребность легального определения стандарта доказывания, что позволило бы применять его к любым категориям дел, обеспечивая единый подход к делам со сходными обстоятельствами, отчего результат рассмотрения дел становился бы прогнозируемым, а судебные акты сохраняли свою стабильность¹¹.

В свою очередь считаем необходимым отметить, что первоначально возможно закрепление определения «стандарта доказывания» на уровне руководящего разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, с последующей имплементацией данных положений в тексты процессуальных кодексов.

Как мы уже упоминали, существуют общепринятые в англосаксонском праве стандарты доказывания. В отечественном процессе же сегодня действует общее правило свободной оценки доказательств. При этом такой подход не исключает существование объективных правил оценки доказательств, а анализ судебной практики за последние несколько лет, и в том числе практики Верховного Суда РФ, позволяет нам говорить о том, что в нашей правовой действительности уже сейчас существуют «свои» стандарты, которые необходимо применять судам.

Сформулированы данные стандарты следующим образом:

1. Повышенный стандарт доказывания¹².

¹¹ Решетникова И.В. Стандарт доказывания // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 26–27.

¹² См., например: Определение Верховного Суда РФ от 13 июля 2018 г. № 308-ЭС18-2197. URL: <https://legalacts.ru/sud/>; Определение Верховного Суда РФ от 4 июня 2018 г. № 305-ЭС18-413. URL: <https://legalacts.ru/sud/>; Определение

Примером применения повышенного стандарта доказывания являются широко распространенные дела о банкротстве физических лиц, в том числе при рассмотрении вопроса о включении требований кредиторов должника в реестр требований.

2. Пониженный стандарт доказывания («разумные подозрения»)¹³.

3. Средний (обычный) стандарт доказывания.

Общая логика применения процессуального закона в современном правоприменении позволяет нам говорить о существовании сегодня и среднего по отношению к перечисленным стандартам доказывания («баланс вероятностей»)¹⁴.

Проблема институционализации, а следовательно, и полноценного применения стандартов доказывания сегодня в отечественном цивилистическом процессе заключается и в отсутствии четких формулировок стандартов, а также четких критериев, отличающих высокий стандарт от пониженного и среднего, средний от высокого, пониженный от среднего и т.д.

В этом отношении наименования стандартов доказывания в англосаксонской системе представляются более удачными, в связи с тем что наиболее точно передают смысл и ключевые отличия каждого из стандартов.

Стоит отметить, что в практике отечественных судов, в том числе и Верховного

Верховного Суда РФ от 16 мая 2018 г. № 307-ЭС17-22975 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 23 августа 2018 г. № 301-ЭС17-7613(3). URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda--rf--ot-23082018-n-301-es17-76133-podelu-n-a79-83962015>; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 декабря 2018 г. № 305-ЭС17-4004(2) по делу № А40-80460/2015; Определение Арбитражного суда города Москвы от 30 апреля 2015 г. по делу № А40-119763/10; Определение Арбитражного суда Республики Калмыкия от 4 августа 2017 г. по делу № А22-941/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 305-ЭС16-18600(5-8) по делу № А40-51687/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Суда РФ, также присутствуют указания на традиционно англосаксонские стандарты. Так, можно встретить упоминание «баланса вероятностей» или пониженного стандарта «разумные подозрения».

Представляется, что такое смешение формулировок также является определенной проблемой на пути институционализации стандартов доказывания в отечественном цивилистическом процессе, и существует необходимость в их унификации в целях более верного и полного практического применения.

Так, на наш взгляд, не представляет собой проблемы заимствование терминологии стран англосаксонского права и определение в нашей судебной практике следующих стандартов доказывания:

1. Строгий стандарт доказывания как «вне разумных сомнений» (абсолютно очевидно).

2. Повышенный стандарт доказывания как «ясные и убедительные доказательства» (очевидно).

3. Средний стандарт доказывания как «баланс вероятностей» (подтверждено).

4. Пониженный стандарт доказывания как «разумные подозрения» (вероятно).

Повторимся, что частично данные категории уже используются в отечественной судебной практике, однако четкая систематизация и ранжирование очевидно отсутствуют.

Конкретизация стандартов доказывания упростит их применение на практике на всех уровнях правосудия, сделает процесс доказывания, а следовательно, и судебные акты более прозрачными и определенными.

Для институционализации стандарта доказывания в отечественном цивилистическом процессе и эффективного применения в судебной практике важно понимать, что влияет или может влиять на его определение в рамках каждого конкретного дела.

Так, безусловно, стандарт доказывания должен определяться исходя из норм права, которые закрепляют положения об

объеме доказывания (примером, в частности, является п. 5 ст. 393 ГК РФ, согласно которому размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности).

Бесспорной, на наш взгляд, является необходимость применения руководящих позиций Верховного Суда РФ и сохранивших до настоящего времени свою актуальность разъяснений Высшего Арбитражного Суда РФ в качестве императива для судов всех инстанций при определении стандарта доказывания¹⁵.

Однако, в связи с тем что императивно предусмотреть стандарты доказывания для всех категорий споров просто невозможно, имеет место и дальнейшее развитие возможности судей самостоятельно устанавливать стандарт доказывания по конкретному делу.

Вместе с тем сама возможность такого установления не должна быть скрытой от заинтересованных лиц и хаотичной, в связи с чем представляется обоснованным закрепить на уровне процессуального закона положение, в соответствии с которым вопрос об определении стандарта доказывания должен быть вынесен судом на обсуждение на стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Кроме того, необходимо выработать ряд факторов, которые должны оказывать влияние на определение судом стандарта доказывания в случае, если он не определен легально.

По справедливому утверждению А.В. Юдина, гражданский процесс должен выступать не просто как состязание, а как честное состязание субъектов, имеющих в своем арсенале равные юридические возможности; получение преимущества в состязании за счет употребления недозволенных приемов противоречит сути юрисдикционного процесса¹⁶.

¹⁵ См., например: пункт 26 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009.

Полагаем, фактором, влияющим на определение и (или) изменение стандарта доказывания того или иного факта или стандарта доказывания по делу в целом можно определить установление судом факта недобросовестного поведения участника процесса (субъекта доказывания), в том числе в виде злоупотребления материальным и (или) процессуальным правом¹⁷.

При этом важно понимать, что само по себе установление факта злоупотребления также будет требовать доказывания, и при этом в силу самой сути злоупотребления и сложившейся судебной практики суд должен будет применять повышенный стандарт доказывания¹⁸, именуемый как «ясные и убедительные доказательства».

Также влиять на определение стандарта доказывания должно неравенство доступа к доказательствам между сторонами: суды, исходя из процессуальных возможностей сторон, обоснованно должны предъявлять повышенный стандарт доказывания к участнику спора, имеющему преимущества в доступе к доказательствам, и (или) снижать стандарт доказывания к участникам, ограниченным в возможностях доказывания¹⁹.

В рамках рассматриваемой темы считаем важным обратить внимание на то, что достижение установленного стандарта

доказывания судом не должно осуществляться в ущерб процессуальной экономии в профессиональном процессе²⁰.

Так, при установлении повышенного стандарта доказывания у суда не должно быть оснований для многочисленных отложений судебных заседаний, в случае если одна из сторон не может своевременно предоставить те или иные доказательства или заявить ходатайство перед судом об их истребовании.

Кроме того, в состязательном профессиональном процессе даже при повышенном стандарте доказывания суд не должен консультировать сторону (стороны) в части того, какие процессуальные действия им требуется совершить, что, к сожалению, встречается в нашей действительности исключительно в благих целях (вынесения в полном объеме обоснованного судебного акта).

Таким образом, у суда не должно быть задачи в нарушение принципа процессуальной экономии дожидаться совершения всех необходимых действий по достижению установленного стандарта доказывания, если характер процессуальной активности участников процесса перешел черту разумного и влечет за собой чрезмерные затраты сил, времени и средств как суда, так и иных заинтересованных лиц²¹.

Иными словами, в профессиональном процессе цель процессуальной экономии должна превалировать над достижением стандарта доказывания, что позволит говорить об эффективности судебного доказывания, а следовательно, и процесса в целом²².

¹⁷ См., например: Сафаева Н.Р. Имитация корпоративного спора как способ преодоления законной силы судебного акта // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 295–313.

¹⁸ См., например: постановления Арбитражного суда Московского округа от 15 августа 2019 г. № Ф05-16550/2017 по делу № А41-3432/2015, Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 июня 2018 г. № Ф01-2263/2018 по делу № А11-1445/2015, Арбитражного суда Поволжского округа от 7 мая 2018 г. № Ф06-26840/2017 по делу № А65-15560/2015, Арбитражного суда Уральского округа от 4 апреля 2018 г. № Ф09-6270/17 по делу № А60-7010/2016; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12 апреля 2018 г. № Ф06-29767/2018 по делу № А57-25622/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См., например: Сафаева Н.Р. Имитация корпоративного спора как способ преодоления законной силы судебного акта // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 295–313; Малахиров Б.М. Особенности доказывания бездействия временного управляющего в обособленном споре по делу о банкротстве (на стадии наблюдения) // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 2. С. 29–33.

²⁰ В данном случае под профессиональным подразумевается процесс, участники которого имеют высшее юридическое образование.

²¹ См., например: Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе: монография. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009. 832 с.; Тихонович В.В. Принцип процессуальной экономии в советском гражданском процессуальном праве. Минск, 1975.

²² См., например: Курочкин С.А. Эффективность доказывания в гражданском процессе: общетеоретические и методологические аспекты // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 357.

Полагаем, что институционализация стандарта доказывания в отечественном процессе обеспечит транспарентность и определенность как судебного процесса,

так и принимаемых решений, а следовательно, создаст благоприятные условия для управления процессуальными рисками и их минимизации.

Литература

1. Барышников П.С. Эмпирические методы в науке гражданского процессуального права / П.С. Барышников // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11. С. 26–34.
2. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе : монография / А.Т. Боннер. Санкт-Петербург : Юридическая книга, 2009. 832 с.
3. Будьлин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом / С.Л. Будьлин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 3. С. 25–57.
4. Глушков А.Н. Судебная практика применения стандартов доказывания в России / А.Н. Глушков // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 5. С. 38–43.
5. Карапетов А.Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А.Г. Карапетов, А.С. Косарев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск. С. 3–96.
6. Курочкин С.А. Эффективность доказывания в гражданском процессе: общетеоретические и методологические аспекты / С.А. Курочкин // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 349–385. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-5-349-385.
7. Курячая М.М. Конституционно-правовые предпосылки институализации гражданской активности / М.М. Курячая // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 8–11.
8. Макаров П.Н. Обзор новелл гражданского законодательства, упрощающих взыскание убытков кредитором (с учетом позиций Пленума Верховного Суда РФ) / П.Н. Макаров // Закон. 2016. № 12. С. 149–160.
9. Малахиров Б.М. Особенности доказывания бездействия временного управляющего в обособленном споре по делу о банкротстве (на стадии наблюдения) / Б.М. Малахиров // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 2. С. 29–33.
10. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США / И.В. Решетникова. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1997. 240 с.
11. Решетникова И.В. Стандарт доказывания / И.В. Решетникова // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 26–27.
12. Сафаева Н.Р. Имитация корпоративного спора как способ преодоления законной силы судебного акта / Н.Р. Сафаева // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 295–313.
13. Смольников Д.И. Мифы о стандартах доказывания / Д.И. Смольников // Закон. 2015. № 12. С. 199–205.
14. Тихонович В.В. Принцип процессуальной экономии в советском гражданском процессуальном праве : диссертация кандидата юридических наук / В.В. Тихонович. Минск, 1975. 173 с.
15. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : диссертация доктора юридических наук / А.В. Юдин. Санкт-Петербург, 2009. 537 с.

Правовая природа электронных доказательств в гражданском процессе: некоторые проблемные вопросы

Ярошенко Татьяна Владимировна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Балтийского федерального университета имени И. Канта,
кандидат юридических наук
t.yaroshenko2011@yandex.ru

В статье раскрываются проблемные вопросы применения и использования электронных доказательств в гражданском процессе, анализируются различные мнения ученых относительно их правовой природы.

Ключевые слова: гражданский процесс, суд, доказывание, электронные доказательства, Гражданский процессуальный кодекс РФ.

The Legal Nature of Electronic Evidence in a Civil Procedure: Some Challenging Issues

Tatyana V. Yaroshenko
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Immanuel Kant Baltic Federal University
PhD (Law)

The article reveals the problematic issues of the application and use of electronic evidence in civil proceedings, analyzes various opinions of scientists regarding their legal nature.

Keywords: civil procedure, court, proof, electronic evidence, Civil Procedure Code of the Russian Federation.

Актуальность темы исследования. Информационные технологии и цифровизация активно используются в современных реалиях развития общества, в том числе и в современном судопроизводстве. В гражданском процессе активно внедряются и используются цифровые технологии, применяются электронные доказательства. Речь идет о повсеместном развитии электронного правосудия.

Целью научного исследования является рассмотрение правовой природы электронных доказательств, определение их понятия и правового регулирования, изучение порядка исследования и оценки электронных доказательств, анализ различных точек зрения ученых по спорным вопросам правовой природы электронных доказательств, определение их места в системе судебных доказательств.

Развитие электронного правосудия предопределяет рассмотрение следующих проблемных вопросов.

1. Правовая природа электронных доказательств: понятие и правовое регулирование (спорные вопросы в науке)

В гражданском процессуальном праве институт судебного доказывания и доказательств является центральным, вопросы правового регулирования закреплены в главе 6 Гражданского процессуального кодекса РФ¹.

Процесс доказывания, как неотъемлемая часть судебного разбирательства, не мог не подвергнуться изменениям в развивающемся цифровом обществе. Уже давно широко применимо электронное взаимодействие сторон при заключении договора: в электронной переписке формируются существенные условия договора и обмен документами, составленными в электронном виде, посредством техно-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

логий дистанционного банковского обслуживания оплачиваются приобретаемые товары и заказываемые услуги. Именно это и приводит к появлению электронных доказательств.

Разъяснения Верховного Суда РФ² об использовании электронных доказательств в процессе рассмотрения судами гражданских дел свидетельствуют о том, что электронные доказательства повсеместно используются сторонами. Тем не менее при исследовании и оценке электронных доказательств возникает ряд проблемных вопросов, требующих рассмотрения и разрешения.

Вопросы правового регулирования электронных доказательств

Основопологающей проблемой является отсутствие на законодательном уровне достаточного правового регулирования электронных доказательств. Так, законодательно не закреплено, что понимается под электронными доказательствами, это приводит к полемике по поводу правовой природы этого вида доказательств, каков порядок исследования и оценки электронных доказательств, следствием чего является проведение данных процессуальных мероприятий по усмотрению конкретного судьи. Остались без разъяснений и вопросы определения видов электронных доказательств, критериев, которым данный тип доказательств должен соответствовать, чтобы быть допустимыми к рассмотрению.

Важность отдельного правового регулирования электронных доказательств объясняется тем, что электронные доказательства отличаются от судебных доказательств, перечисленных в Гражданском процессуальном кодексе РФ, по своей форме, — выражение через технические носители информации, что затрудняет единообразное использование их на практике наряду с известными уже давно видами доказательств.

В сфере использования электронных доказательств можно указать следующие нормативные акты. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ³ внес изменения

в уже существующие законодательные акты в Российской Федерации относительно применения электронных документов в деятельности органов судебной власти. В частности, данным законом электронные доказательства были отнесены к письменным доказательствам (ст. 6). Свою роль в процесс разъяснения применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде, внесли Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251⁴ и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57⁵. Некоторую конкретизацию в процесс рассмотрения мировыми судьями документов в электронном виде внес Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 сентября 2017 г. № 168⁶.

Российская Федерация относится к континентальной правовой системе (романо-германской), из чего следует, что приводимые акты не могут являться источником права. Поэтому на данном этапе следует отметить, *что отсутствует нормативное регулирование, способное упорядочивать процессуальные отношения, связанные с использованием доказательств в электронном виде.*

Понятие и признаки электронных доказательств

В науке выделяются следующие признаки электронных доказательств:

1) *способ фиксации* — электронные доказательства содержатся в специальных файлах, доступ к которым возможен только с помощью специального программного обеспечения⁷;

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 (ред. от 05.11.2019) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Приказ Судебного департамента при ВС РФ от 11 сентября 2017 г. № 168 «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Лагутина Е.П. Цифровые доказательства в гражданском судопроизводстве // Проблемы ре-

2) способ отображения информации — изначально информация отображается в двоичной системе кодирования, которая посредством использования специальных программ переводится в форму, понятную для человеческого восприятия.

Существуют различные мнения ученых относительно определения электронных доказательств. Так, С.А. Власова утверждает, что под ними следует понимать сведения о наличии или отсутствии обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, имеющих значение для правильного разрешения дела, представленные в электронной форме⁸. Однако данное определение не выражает все признаки, характерные для электронных доказательств, кроме специфичной формы фиксации.

Вывод. Анализируя различные мнения ученых⁹, представляется, что *под доказательствами в электронной форме следует понимать информацию об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, содержащую реквизиты, дающие возможность идентифицировать ее и носитель, на котором она зафиксирована и которая получена с соблюдением процессуального порядка собирания доказательств* (данное положение целесообразно закрепить в ст. 55 ГПК РФ).

Законодатель относит электронные доказательства к письменным доказательствам, однако данное положение является спорным в науке. Так, Ю.И. Гангало считает, что электронные документы необоснованно приравнены к письменным документам¹⁰. Существуют различные мнения ученых относительно правовой природы электронных доказательств.

формирования российской государственности : материалы XIV Всероссийской конференции по национальному и международному праву 20 декабря 2019 г. / науч. ред. Д.Н. Сергеев. Учебно-научная лаборатория «Sapientia», 2019. С. 75.

⁸ Власова С.А. Электронные доказательства как часть информационных технологий в гражданском судопроизводстве // *Ius publicum et privatum*. 2019. № 3 (5). С. 16.

⁹ Сафронов С.Г., Минбалеев А.В. Понятие и природа электронных доказательств в административном процессе России // *Вестник ЮУрГУ*. 2014. № 4. С. 116.

¹⁰ Гангало Ю.И. Электронные документы как средства доказывания в гражданском судопроизводстве: проблемы и пути их преодоления // *Актуальные вопросы устойчивого развития России в контексте ключевых целей национальных проектов : материалы Всерос. студ. науч.-практ. конф. 23–24 апреля 2020 г. / отв. ред. С.В. Нечаева. М. : Челябинский филиал РАНХиГС, 2020. С. 190.*

1. *Первая группа авторов относит электронные доказательства к письменным доказательствам.* Так, А.П. Вершинин считает, что отсутствие внешней письменной формы у электронного доказательства не является существенным признаком для неотнесения доказательств к письменному виду, так как для определения понятия письменного доказательства не имеют значения материал, из которого он изготовлен, и технические средства, использовавшиеся при этом¹¹. Он, как и другие авторы¹², отмечает, что важность имеет способ восприятия этого доказательства — прочтение письменных знаков, которые в своей совокупности и составляют предмет, имеющий доказательственное значение. Оппоненты данной точки зрения считают, что электронные доказательства не имеют не только необходимую для письменного доказательства форму, но также и не обладают авторской уникальностью, что делает невозможным отнесение данного вида доказательства к письменному виду.

2. *Ряд авторов предлагают другие варианты для определения места электронных доказательств.* Например, Е.А. Мошков считает электронный документ *вещественным доказательством* (ст. 73 ГПК РФ), выступающим как предмет, который по своему внешнему виду, свойствам, месту нахождения или по иным признакам может служить средством установления обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, хотя и недоступен человеческому восприятию сам по себе¹³.

3. Другие авторы предлагают выделять электронное доказательство в отдельную самостоятельную категорию¹⁴ или же определить данный вид как *смешанное доказательство*.

4) *Некоторые же авторы считают, что электронные доказательства имеют переменный характер, т.е. являются либо*

¹¹ Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. М. : Городец, 2000. С. 106–108.

¹² Темергалиева А.Т. Электронные документы как доказательства в суде // *Юридическая научная сеть*. 2013. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru>

¹³ Мошков Е.А. Понятие электронного документа и его применение в качестве доказательства в гражданском и арбитражном судопроизводстве Российской Федерации // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2016. № 9. С. 30–32.

¹⁴ Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М. : Проспект, 2015. С. 498.

письменными, либо вещественными в зависимости от того, представляет ли собой электронное доказательство предмет, а также от необходимости осмотра¹⁵. И те и другие считают необходимым произвести дополнительную регламентацию, путем исключения из ст. 71 Гражданского процессуального кодекса РФ упоминания об электронном документе как письменном и закрепить его правовое регулирование как самостоятельного вида доказательства в отдельной статье Гражданского процессуального кодекса РФ¹⁶.

Вывод. Следовательно, специфичная форма электронного доказательства, создаваемая с помощью современных технических средств, затрудняет определение правовой природы. Однако именно наличие информации, необходимой для разрешения спорных правоотношений, делает возможным отнесение его и к письменным, и к вещественным видам средств доказывания.

2. Проблематика исследования и оценки электронных доказательств

Независимо от вида доказательств суд должен проверять доказательства на предмет относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Общие правила оценки доказательств содержатся в ст. 67 ГПК РФ, но они не способны полноценно отвечать специфическим особенностям электронных доказательств. Так, если относимость и достаточность электронных документов следует оценивать по общим правилам, то с другими требованиями возникают сложности.

Допустимость доказательств подразумевает тот факт, что обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими иными доказательствами (ст. 60 ГПК РФ). Это означает, что информация, содержащаяся в таких доказательствах, должна соответствовать установленным законом требованиям по форме и содержанию. Относительно же электронных доказательств действующий Гражданский процессуальный кодекс РФ не раскрывает их форму и способы представления таких доказательств в суд.

Это приводит к тому, что суд в каждом конкретном случае лишь только по своему усмотрению оценивает форму электронного доказательства, следствием чего является противоречивая судебная практика.

Так, И.В. Воронцова выделяет следующие критерии для установления допустимости доказательства в электронном виде: доступность для понимания, возможность идентифицировать автора этого документа, гарантия целостности документа, контроль пригодности — возможность проведения контроля достоверности электронного документа¹⁷.

Требование к достоверности электронного доказательства закреплено ст. 71 ГПК РФ, однако, как устанавливается эта самая достоверность, законодатель умалчивает. Ю.И. Гангалю предлагает для оценки соответствия данному требованию уделять внимание реквизитам документа и наличию «правильной» ЭЦП¹⁸.

Вывод. Рассмотрев существующие пробелы в действующем законодательстве, регулирующем вопросы исследования и оценки электронных доказательств, нельзя не согласиться с предложением Ю.И. Гангалю закрепить определенные критерии оценки электронных доказательств. Как верно отмечает автор, «избежать “загромождения” ГПК РФ подобными нормами возможно путем принятия специального федерального закона “Об электронном документе” или “О правилах организации электронного документооборота в Российской Федерации”, что позволит устранить проблемы, связанные с использованием электронных документов, повысит эффективность их использования в гражданском судопроизводстве и обеспечит их большую распространенность и применимость»¹⁹.

Вопрос определения видов электронных доказательств также не нашел своего нормативного закрепления, однако судебная практика устранила это несовершенство. Так, анализ использования электронных доказательств в практической деятельности позволяет говорить о таких

¹⁵ Зайцева Л.В., Сухова Н.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 197.

¹⁶ Гангалю Ю.И. Указ. соч. С. 190.

¹⁷ Воронцова И.В. Проблемы электронных доказательств в гражданском судопроизводстве Экономика, управление и право: инновационное решение проблем : сб. ст. XVI Межд. науч.-практ. конф. 20 марта 2019 г. / отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Пенза : Наука и просвещение, 2019. С. 112.

¹⁸ Гангалю Ю.И. Указ. соч. С. 191.

¹⁹ Там же.

видах электронных доказательств, как электронный документ и образ документа, подписанные электронной подписью; доказательства, полученные посредством сети «Интернет» или электронной связи, куда относятся электронная переписка, СМС- и ММС-сообщения и сообщения в мессенджерах; аудио- и видеозаписи на электронных носителях.

Обращаясь к положениям Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²⁰ и сложившейся судебной практике, можно утверждать, что наиболее распространены такие электронные доказательства, как электронный документ и электронное сообщение.

²⁰ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 09.03.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе / А.Т. Боннер. Москва : Проспект, 2015. 611 с.
2. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде / А.П. Вершинин. Москва : Городец, 2000. С. 106–108.
3. Власова С.А. Электронные доказательства как часть информационных технологий в гражданском судопроизводстве / С.А. Власова // *Ius publicum et privatum*. 2019. № 3 (5). С. 15–18.
4. Воронцова И.В. Проблемы электронных доказательств в гражданском судопроизводстве / И.В. Воронцова, А.А. Кряжкова // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем : материалы XVI Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 20 марта 2019 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор Г.Ю. Гуляев. Пенза : Наука и просвещение, 2019. С. 111–113.
5. Гангало Ю.И. Электронные документы как средства доказывания в гражданском судопроизводстве: проблемы и пути их преодоления / Ю.И. Гангало // Актуальные вопросы устойчивого развития России в контексте ключевых целей национальных проектов : материалы XVIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции (г. Челябинск, 23–24 апреля 2020 г.). В 2 частях. Ч. 1 : сборник научных статей / ответственный редактор С.В. Нечаева. Москва : Челябинский филиал РАНХиГС, 2020. С. 189–191.
6. Зайцева Л.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве / Л.В. Зайцева, Н.В. Сухова // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 189–204.
7. Лагутина Е.П. Цифровые доказательства в гражданском судопроизводстве / Е.П. Лагутина // Проблемы реформирования российской государственности : материалы XIV Всероссийской конференции по национальному и международному праву (г. Екатеринбург, 20 декабря 2019 г.) : сборник научных статей / научный редактор Д.Н. Сергеев. Екатеринбург : Учебно-научная лаборатория «Sapientia», 2019. С. 73–77.
8. Мошков Е.А. Понятие электронного документа и его применение в качестве доказательства в гражданском и арбитражном судопроизводстве Российской Федерации / Е.А. Мошков // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 9. С. 30–32.
9. Сафронов С.Г. Понятие и природа электронных доказательств в административном процессе России / С.Г. Сафронов, А.В. Минбалева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. Т. 14. № 4. С. 114–118.
10. Темергалиева А.Т. Электронные документы как доказательства в суде / А.Т. Темергалиева // Юридическая научная сеть. 2013. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru>

Выводы по исследованным вопросам

1. Вопросы правового регулирования электронных доказательств требуют дальнейшего совершенствования на законодательном уровне.

2. Дискуссия ученых относительно понятия электронных доказательств подчеркивает актуальность проблемы и необходимость выработки единого подхода по вопросу исследования и оценки электронных доказательств на законодательном уровне.

3. Целесообразно в ст. 55 ГПК РФ внести положения о понятии электронных доказательств. Кроме того, требует совершенствования ст. 67 ГПК по вопросу оценки судом электронных доказательств.

4. Развитие и совершенствование электронного правосудия, бесспорно, направлено на повышение эффективности защиты гражданских прав в судебном порядке.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-9-14-17

Критерии оспаривания займа по безнадежности: тенденции правового регулирования и пути гармонизации судебной практики

Кульчиков Дмитрий Евгеньевич,

преподаватель кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин
Орловского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук
coolchikov@inbox.ru

В статье проведен системный анализ действующего законодательства, общепринятой судебной практики и различных доктринальных подходов оспаривания займа по признаку безнадежности.

В результате исследования доказано, что отсутствие в договоре займа конкретизированной цели при множественности лиц на стороне заемщика является основанием для признания договора незаключенным по признаку безнадежности с тем созаемщиком, которому займодавцем фактически денежные средства не были переданы, а полученный одним созаемщиком заем был потрачен им на личные или иные цели, которые лишают других созаемщиков не только права на распоряжение предметом займа, но и имущественных прав на приобретенное имущество.

Незаключенность договора займа и его оспаривание по признаку безнадежности имеют общую правовую природу, выраженную в недопустимости нарушения его существенных условий. При этом оспаривание займа по безнадежности допустимо в случае нарушения существенного условия о действительной передаче предмета обязательства и относится к нарушению иных существенных условий договора (фактический критерий незаключенности договора), что обусловлено реальным характером возникновения данного обязательства.

Ключевые слова: договор займа, заемщик, займодавец, кредитор, должник, поручительство, оспаривание займа по безнадежности, незаключенность договора займа.

Criteria of Loan Challenging Due to Non-Collectability: Legal Regulation Tendencies and Judicial Practice Harmonization Ways

Dmitry E. Kulchikov

Lecturer of the Department of Civil, Legal and Economic Disciplines
of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Named after V.V. Lukyanov
PhD (Law)

The article provides a systematic analysis of current legislation, generally accepted judicial practice and various doctrinal approaches to challenging a loan on the basis of hopelessness.

As a result of the study, it is proved that the absence of a specified purpose in the loan agreement with a plurality of persons on the borrower's side is the basis for recognizing the contract as not concluded on the grounds of hopelessness with the co-borrower to whom the lender actually did not transfer funds, and the loan received by one co-borrower was spent by him for personal or other purposes that deprive other co-borrowers not only the right to dispose of the subject of the loan, but also the property rights to the acquired property.

The non-conclusion of the loan agreement and its contestation on the grounds of hopelessness have a general legal nature expressed in the inadmissibility of violating its essential conditions. At the same time, challenging a loan for hopelessness is permissible in case of violation of the essential condition of the actual transfer of the subject of the obligation and refers to the violation of other essential terms of the contract (the actual criterion of non-conclusion of the contract), which is due to the real nature of the occurrence of this obligation.

Keywords: loan agreement, borrower, lender, lender, debtor, surety, challenging the loan for hopelessness, non-conclusion of the loan agreement.

В условиях современного развития России институт займа приобретает особую значимость не только как мера финансового обеспечения граждан и предпринимателей, но и как один из способов защиты экономики от недружественных действий некоторых иностранных государств.

Идентификация критериев оспаривания займа по признаку безнадежности позволит исключить некоторые пороки данного договорного обязательства и обеспечить баланс имущественных интересов кредитора и должника.

Правовая природа признания договора займа незаключенным «de jure» (п. 1

ст. 807 ГК РФ¹) и оспаривания займа по признаку безнадежности «de facto» (п. 1 ст. 812 ГК РФ) различна, так как безнадежность займа определяется критерием «действительности», т.е. реальности передачи денежных средств, под которой понимается их фактическая передача от займодавца в распоряжение заемщика при наличии документов, удостоверяющих данный факт.

Следует согласиться с мнением А.В. Минаева и Я.С. Недвецкой о том, что, «следуя принципу установления достаточных доказательств наличия или отсутствия фактических заемных правоотношений, на которые указывает истец, суд должен осуществлять проверку наличия или отсутствия фактических отношений по займу. Целью такой проверки является установление обоснованности долга, что, в свою очередь, находится в причинно-следственной связи с передачей денежных средств, т.е. установлением этого факта»².

По нашему мнению, действительное заемное обязательство и его условия должны быть подтверждены не только допустимыми (письменными) доказательствами, прямо отражающими его субъектный состав, предмет и документ, удостоверяющий получение займа, но и фактическими действиями займодавца по передаче предмета договора заемщику.

Реальный характер обязательства по займу predetermined законодательное закрепление права его оспаривания заемщиком по признаку безнадежности в случае, если предмет обязательства в действительности не поступил в его распоряжение или поступил не полностью.

Возможность распоряжения полученным займом подтверждает передачу займодавцем предмета займа заемщику и позволяет ему по своему усмотрению совершать в отношении полученного предмета обязательства любые действия, не нарушающие охраняемые законом права и интересы других лиц. При этом невозможность распоряжения займом часто встречается при нарушении существенного условия о цели займа и порядка его выдачи.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.01.2022) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2020. № 52 (Часть I). Ст. 8602.

² Минаев А.В., Недвецкая Я.С. Особенности доказывания безденежности договора займа // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 8.

В настоящее время сложилась единообразная судебная практика о признании договора займа незаключенным по признаку безнадежности в случае непредоставления займодавцем доказательств перечисления денежных средств заемщику³ либо в случае категорического отрицательного вывода эксперта о том, что расписка подписана не заемщиком, а другим лицом⁴.

Следует учитывать, что граждане, выступающие на стороне заемщика, являются «слабой» стороной договора, так как именно займодавец определяет существенные условия договора займа.

Правовой анализ положений ст. 307, 321, 322, 807, 814 ГК РФ показывает, что при множественности лиц на стороне заемщика с условием о солидарной ответственности по договору займа существенным условием является либо получение суммы займа в равной доле каждым из созаемщиков, либо использование полученных средств в соответствии с установленными в договоре целями.

Несоблюдение займодавцем любого из вышеуказанных условий является основанием для признания договора займа незаключенным по признаку безнадежности.

Так, Воронежский областной суд⁵, оставляя без изменения решение Новоусманского районного суда о признании договора займа незаключенным по признаку безнадежности в отношении одного из лиц, выступающих на стороне заемщика, справедливо и обоснованно мотивировал это отсутствием не только доказательств получения денежных средств, но и зарегистрированных прав на приобретенное другим созаемщиком недвижимое имущество.

В целях обеспечения баланса интересов сторон договора займа Банком России в Письме от 24 июня 2019 г. № 06-31-4/4888 «О правовом регулировании потребительского кредита (займа)» разъяснено, что

³ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 2 марта 2021 г. № 88-4871/2021 по делу № 2-5814/2018 // Официальный сайт Второго кассационного суда общей юрисдикции. URL: <https://2kas.sudrf.ru>

⁴ Апелляционное определение Иркутского областного суда от 11 декабря 2018 г. № 33-10749/2018 // Официальный сайт Иркутского областного суда. URL: <http://oblsud.irk.sudrf.ru>

⁵ Апелляционное определение Воронежского областного суда от 02.07.2015 №33-3385/2015 // Официальный сайт Воронежского областного суда. URL: <http://oblsud.vrn.sudrf.ru>

в силу п. 11 ч. 9 ст. 5 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)»⁶ в договор потребительского кредита (займа) может быть включено условие о цели использования заемщиком потребительского кредита (займа), например, приобретение автомобиля для использования в личных целях.

Вышеуказанный правовой подход вполне обоснован, так как отсутствие конкретизированной цели займа может повлечь нарушение законных интересов не только займодавца в связи с невозможностью требовать от заемщика досрочного возврата суммы займа на основании п. 2 ст. 814 ГК РФ (в связи с нецелевым использованием)⁷, но и умаление имущественных прав лица, выступающего на стороне созаемщика, фактически не получившего и не использовавшего заем.

Нарушение рассматриваемого условия договора порождает злоупотребление правом не только со стороны займодавца при предъявлении требования о возврате задолженности с созаемщика, не получившего и не расходовавшего заем, но и со стороны заемщика, фактически его получившего и израсходовавшего на личные или иные цели, так как это приводит к получению им имущественной выгоды за счет других созаемщиков, в связи с возникновением права регрессного требования к остальным созаемщикам за вычетом доли, падающей на него самого (подп. 1 п. 2 ст. 325 ГК РФ).

По нашему мнению, нарушение вышеперечисленных условий договора займа при множественности лиц на стороне заемщика ведет к подмене института поручительства (§ 5 главы 23 ГК РФ) институтом займа (§ 1 главы 42 ГК РФ) и умалению прав лица, выступающего на стороне заемщика, не получившего денежных средств, так как только поручительство как способ обеспечения исполнения обязательства не предусматривает передачу предмета обязательства поручителю, в отличие от займа, существенным условием которого является передача займодавцем предмета договора

заемщику или указанному им третьему лицу, которое выступает выгодоприобретателем, а не стороной договора.

Таким образом, отсутствие в договоре конкретизированной цели займа при множественности лиц на стороне заемщика является основанием для признания договора незаключенным по признаку безнадёжности с тем созаемщиком, которому займодавцем фактически денежные средства не были переданы, а полученный одним созаемщиком заем был потрачен им на личные или иные цели, которые лишают других созаемщиков не только права на распоряжение предметом займа, но и имущественных прав на приобретенное имущество.

В соответствии с п. 1 ст. 807 ГК РФ и ст. 224 ГК РФ под передачей предмета займа следует понимать вручение займодавцем предмета договора заемщику, т.е. фактическое поступление предмета договора займа во владение (фактическое обладание) заемщика. При этом фактические действия по передаче денежных средств заемщику обусловлены финансовой обеспеченностью займодавца.

Закрепленное в п. 1 ст. 812 ГК РФ право оспаривания займа по безнадёжности послужило основанием возложения на заемщика обязанности по доказыванию того, что предмет займа в действительности не поступил в его распоряжение или поступил не полностью, а на займодавца — передачи заемщику предмета договора и возникновения между сторонами заемных правоотношений.

По нашему мнению, вышеуказанные особенности доказывания безнадёжности займа не исключают право суда в случае установления очевидного отклонения действий займодавца от добросовестного поведения истребовать у него сведения о финансовом положении, в том числе доказательства, подтверждающие фактическое обладание предметом договора до его передачи заемщику.

Определенные сложности в доказывании незаключенности договора по признаку безнадёжности связаны с установленным в п. 2 ст. 812 ГК РФ ограничением его оспаривания путем свидетельских показаний, если договор займа должен быть совершен в письменной форме, за исключением случаев, если договор был заключен под влиянием обмана, насилия, угрозы или стечения тяжелых обстоятельств,

⁶ Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ (ред. от 08.03.2022) «О потребительском кредите (займе)» // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6673; 2022. № 1 (Часть I). Ст. 13.

⁷ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 30 ноября 2010 г. № КГ-А41/14404-10 по делу № А41-10138/10 // Официальный сайт Арбитражного суда Московского округа. URL: <https://fasmo.arbitr.ru>

а также представителем заемщика в ущерб его интересам. При этом в отношении других видов доказательств такого запрета законодателем не установлено.

Так, Московский городской суд, исследовав представленные заемщиком доказательства (показания свидетелей, детализацию вызовов оператора связи, кассовые чеки, распечатку переписки из мессенджера, список проходов в метро, информацию о звонках, детализацию, информацию о SMS), признал договор займа незаключенным по признаку безнадёжности в связи с тем, что договор и расписка, подписанная заемщиком о получении денежных средств от займодавца, являются недостаточными доказательствами передачи денежных средств, что также подтверждается отсутствием допустимых и относимых доказательств о происхождении и наличии у займодавца указанной в договоре денежной суммы на момент его заключения⁸.

Кроме того, суды единообразно признают договор займа незаключенным при вероятном выводе эксперта о принадлежности подписи в расписке в случае непредоставления займодавцем сведений о финансовой возможности располагать указанной в ней денежной суммой в силу трудовой или иной деятельности и отсутствия доказательств их расходования заемщиком⁹.

Вышеуказанный правовой подход соответствует разъяснению Президиума Верховного Суда РФ¹⁰, в соответствии с которым суд обязан учитывать в совокупности все собранные по делу доказательства с целью выявления действительной воли сторон и исключения каких-либо сомнений в ее достоверности.

⁸ Апелляционное определение Московского городского суда от 20 января 2020 г. № 33-2523/2020 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mosgorsud.ru/mgs>

⁹ Апелляционное определение Московского городского суда от 30 января 2019 г. № 33-3049/2019 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mosgorsud.ru/mgs>

¹⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 4.

Литература

1. Гудовичева Л.Б. Безденежность договора займа / Л.Б. Гудовичева // Вестник Омской юридической академии. 2020. Т. 17. № 1. С. 35–42.
2. Минаев А.В. Особенности доказывания безденежности договора займа / А.В. Минаев, Я.С. Недвецкая // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 6–9.

Таким образом, непредоставление займодавцем доказательств, подтверждающих фактическое владение указанной в договоре денежной суммой, в совокупности с установленными по делу доказательствами, указывающими на отсутствие действительной реальной воли сторон, направленной на заключение и исполнение обязательства, являются основанием для признания договора займа незаключенным по признаку безнадёжности.

Безнадёжность займа отличается от незаключенности данного договора не только правомочиями заемщика в отношении предмета обязательства, но и правовыми основаниями их возникновения.

По мнению Л.Б. Гудовичевой, «безнадёжность представляет собой специальный случай признания договора займа незаключенным, который не является разновидностью общего понятия незаключенности договора. Незаключенность договора вследствие несоблюдения правил ст. 432 ГК РФ и незаключенность договора займа вследствие его безнадёжности — разные виды незаключенности договора»¹¹.

По нашему мнению, возникновение заемных правоотношений без совершения действия по передаче предмета договора невозможно, так как связывает стороны обязательством лишь после передачи займа. В связи с этим оспаривание займа по безнадёжности, в случае если предмет договора не поступил заемщику, является разновидностью незаключенности договора, которая обусловлена реальным характером данного обязательства, реализованным в обязательном соблюдении существенного условия о действительной передаче предмета обязательства. Действия по фактической передаче займа следует отнести к иному существенному императивному условию договора, которое прямо названо и защищается законом, так как размер обязательства заемщика определяется исходя из действительно переданных ему или указанному им третьему лицу сумм денежных средств или иного имущества.

¹¹ Гудовичева Л.Б. Безденежность договора займа // Вестник Омской юридической академии. 2020. Вып. 1. Т. 17. С. 39.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-9-18-22

К вопросу о реализации права ребенка быть заслушанным в суде

Чечулина Алла Анатольевна,

доцент кафедры гражданского процесса и социальных отраслей права
Московского гуманитарного университета,
кандидат юридических наук, доцент
cha11@yandex.ru

В статье рассматриваются основные аспекты реализации права ребенка быть выслушанным в суде, исследуются особенности нормативного регулирования данного права на международном, европейском и национальном уровнях. В фокусе внимания сравнительно-правовой анализ реализации права ребенка быть выслушанным в странах Совета Европы, имплементация концепции дружественного ребенку правосудия. Автор анализирует механизм реализации права ребенка на участие в практике Европейского Суда по правам человека, обобщает механизмы и упрощенные процедуры участия детей в суде, используемые в зарубежных странах.

Ключевые слова: право на участие, судебная защита, право ребенка на судебную защиту, право быть услышанным.

On Exercising of the Child's Right to Be Heard in Court

Alla A. Chechulina

Associate Professor of the Department of Civil Procedure and Social Branches of Law
of the Moscow University for the Humanities
PhD (Law), Associate Professor

The article considers the peculiarities of the realization of the child's right to be heard in court, the features of the legal regulation of this right at the international, European, and national levels are investigated. The focus of the attention of the comparative legal analysis of the implementation of the child's right to be heard in court in the Council of Europe countries, the implementation of the concept of a friendly child of justice. The author analyzes the mechanism for the realization of the child's right to participate in the practice of the European Court of Human Rights, summarizes the mechanisms and simplified procedures for the participation of children in court used in foreign countries.

Keywords: court, judicial protection, the child's right to judicial protection, the right to be heard.

Право на участие представляет собой базовое право в современной концепции защиты прав ребенка, закрепленной в Конвенции о правах ребенка 1989 г.¹ Именно данное право формирует новую парадигму понимания статуса ребенка, в основе которой лежит признание ребенка субъектом права. Новаторский радикальный характер права на участие ребенка означает обязанность выявлять и признавать мнение ребенка во всех значимых областях жизнедеятельности. Одной из наиболее проблемных областей реализации права ребенка на участие является сфера судебной защиты. Сложность судебной процедуры и особый статус участников процесса вызывают проблемы имплементации права ребенка на участие в судебном процессе, требуя создания системы специальных гарантий.

¹ Далее — Конвенция 1989 г., КТП 1989 г.

Особый характер *права ребенка на участие (right to participation) или права ребенка быть услышанным (right to be heard)* проявляется в его многоаспектности, в его реализации во всех сферах и на всех уровнях жизнедеятельности. При этом сама категория «участия» является «эклектичной и размытой»², не имеет точных форм и процедур реализации. Правовая неопределенность вызывает дополнительные трудности в реализации права и оставляет поле усмотрения для создания инструментов такой реализации. Но, несмотря на разнообразие форм применения, квинтэссенция права на участие всегда остается неизменной: ребенок является человеком, и независимо от возраста ребенка его мнение должно учитываться наравне с мнением взрослого человека.

² Percy-Smith B., Thomas N.A Handbook of Children and Young People Participation. Perspectives from theories and practice. Oxon, UK : Routledge, 2010.

Одним из важнейших аспектов права на участие или права быть услышанным является участие ребенка в суде. Так, ч. 2 ст. 12 КПП 1989 г. гласит: «Ребенок имеет право быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего права ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган, в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства».

В международном измерении право ребенка на участие в суде не имеет возрастных ограничений. Конвенция о правах ребенка не закрепляет минимального или максимального возрастного порога, определяющего возможность ребенка выражать свое мнение. Напротив, Замечания общего порядка Комитета ООН по правам ребенка № 12 (2009) разъясняют, что право на участие принадлежит детям с раннего возраста и не зависит от их особенностей³. Данное положение основывается на том, что каждый ребенок, потенциально обладающий всем объемом прав человека, является полноправным субъектом права на участие. Безусловный характер данного права означает возложение на государство обязанности создания специальных механизмов их реализации: служб сопровождения, институтов представительства, органов поддержки. Таким образом, акцент сделан не на оценке возможностей ребенка выразить свое мнение, а на обеспечении этой возможности государством.

Содержание права на участие раскрывается в Замечании общего порядка Комитета ООН по правам ребенка № 12 (2009) «О праве ребенка быть заслушанным». В состав права включены два основных элемента: 1) механизм, позволяющий запрашивать мнение ребенка по всем затрагивающим его вопросам; 2) система инструментов, призванная оценивать и придавать должное значение мнению и взглядам ребенка⁴.

³ Замечание общего порядка Комитета ООН по правам ребенка № 12 (2009) о праве ребенка быть заслушанным. URL: <https://www.refworld.org.ru/type,GENERAL,,4ae562d52,0.html> (дата обращения: 10.12.2021).

⁴ Там же.

Правовед Л.Б. Алексеева полагает, что возможность личного участия человека при рассмотрении дела является важнейшим содержательным признаком права на судебную защиту, отличающим его от административного способа защиты прав⁵. О.А. Шварц определяет данное правомочие как «право быть услышанным», акцентируя внимание на обладании всем набором процессуальных прав, позволяющим донести до суда свое мнение⁶.

Концептуальную основу реализации права ребенка быть услышанным в суде на Европейском континенте образуют Рекомендации Совета Европы о создании дружественного ребенку правосудия, принятые в 2010 г.⁷ Пункт А Рекомендаций Совета Европы устанавливает положение о необходимости учета и придания должного значения мнению ребенка, обращению с ребенком как с полноправным участником процесса. Процессуальный аспект права ребенка на участие в суде закрепляется в Европейской конвенции об осуществлении прав детей 1996 г.⁸ Конвенция обязывает государства при ратификации указать три вида разбирательств, по которым применяются положения данной конвенции. Особое значение имеет закрепление процедуры специального представительства, к которому может прибегнуть ребенок в случае необходимости защиты его прав от законного представителя либо при противоречии позиции ребенка и законного представителя (ч. 1 ст. 4)⁹.

Во всех государствах — членах Совета Европы действуют специальные национальные законы, которые предусматри-

⁵ Алексеева Л.Б. Применение судами международных норм в области прав человека // Комментарий российского законодательства. М., 1997. С. 31.

⁶ Шварц О.А. Организационные и процессуальные гарантии права человека на судебную защиту : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 4.

⁷ Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on child friendly justice (Adopted by the Committee of Ministers on 17 November 2010 at the 1098th meeting of the Ministers' Deputies). URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804b2cf3 (дата обращения: 10.12.2021).

⁸ Европейская конвенция об осуществлении прав детей 1996 года. URL: <https://rm.coe.int/168007cddf> (дата обращения: 10.12.2021).

⁹ Там же.

вают право ребенка быть заслушанным в ходе административных и судебных разбирательств, касающихся ребенка. В ряде стран право на участие и право быть услышанным закрепляются на конституционном уровне и рассматриваются как конституционный принцип реализации права на судебную защиту. Так, в Конституции ФРГ прямо установлено право человека быть выслушанным в суде в порядке, установленном законом (ч. 1 ст. 103)¹⁰. Конституция Норвегии закрепляет данный конституционный принцип непосредственно в отношении ребенка. Согласно ст. 104 Конституции: «Дети наделяются правом быть заслушанными по вопросам, имеющим для них значение, при этом должное внимание должно быть уделено их взглядам в соответствии с их возрастом и развитием»¹¹.

В большинстве государств закон устанавливает минимальный возраст, с которого ребенок может быть заслушан в гражданском процессе, который обычно составляет диапазон от шести до четырнадцати лет. Возрастные ограничения установлены, в частности, в гражданских кодексах и гражданско-процессуальных кодексах, законах о благополучии и защите детей или законах о семье. Так, один из наиболее минимальных возрастных порогов для личного участия ребенка в судебном процессе устанавливает законодательство Швейцарии (шесть лет). При этом только немногие страны решили воздержаться от определения минимального возраста для заслушивания ребенка, исходя из контекста процедур, например Германия. Закон Германии устанавливает принцип, согласно которому дети должны быть заслушаны лично, независимо от их возраста, и устанавливает квалификационные требования к судьям по семейным делам и адвокатам по назначению (опекунам *adlitem*) для детей¹².

В большинстве европейских стран законодательством предусматривается

обязанность заслушать мнение ребенка в суде, при условии наличия его согласия. Гражданский и Гражданско-процессуальный кодексы Швейцарии предусматривают, что ребенок должен быть заслушан лично надлежащим образом (ст. 298 ГПК)¹³. Регламентом Федерального суда определено, что ребенок может быть заслушан с шестилетнего возраста, и даже младше, например, если существует необходимость заслушать несколько братьев и сестер, а самому младшему ребенку чуть меньше шести лет.

Некоторые европейские страны оставляют вопрос о возможности ребенка быть выслушанным в суде на усмотрение и разрешение самого суда. Гражданский кодекс Италии предусматривает различные возрастные ограничения в зависимости от вида судебного разбирательства. Общий возраст, с которого ребенок должен быть заслушанным в процессе, по всем вопросам и разбирательствам, касающимся ребенка, — 12 лет (п. 315-Бис ст. 3 ГК). При этом ребенок младше 12 лет может быть заслушан, когда судья сочтет ребенка способным осознавать происходящее и формулировать собственное мнение.

Поскольку каждый случай уникален, итальянский законодатель принял сознательное решение предоставить судье право оценивать способность ребенка к формулированию собственного мнения, и эта оценка считается более важной, чем возраст ребенка, при принятии решения судьей о том, следует ли выслушивать ребенка. Хотя в настоящее время не существует четкого правового регулирования, которое обязывало бы судью предоставить юридическое обоснование решения не заслушивать ребенка, в январе 2021 г. Верховный суд Италии постановил, что в тех случаях, когда судья решает не заслушивать ребенка, требуется конкретная мотивация, и в отсутствие такой мотивации решение судьи будет считаться недействительным¹⁴.

¹⁰ Конституция ФРГ 1949 г. URL: <https://world-constitutions.ru/?p=155> (дата обращения: 06.12.2021).

¹¹ The Constitution of the Kingdom of Norway 1814. URL: <https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/1814-05-17> (дата обращения: 10.12.2021).

¹² Child-friendly Justice: Perspectives and experiences of children and professionals. Publisher: European Union Agency for Fundamental Rights, 2017. P. 11.

¹³ Swiss Civil Procedure Code 2008. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2010/262/en> (дата обращения: 10.12.2021).

¹⁴ Feasibility study of a legal instrument on the protection of the best interests of the child in domestic law proceedings by public authorities to limit parental responsibilities or place a child in care // Council of Europe, 2021. P. 45.

Существующая российская парадигма защиты прав ребенка традиционно признает преобладающей формой его участия исключительно законное представительство. При этом Семейный кодекс РФ прямо устанавливает, что защита семейных прав, в том числе специальных прав ребенка, закрепленных в главе 11 «Права несовершеннолетних детей» Семейного кодекса РФ, осуществляется в рамках гражданского судопроизводства.

Выражение ребенком своего мнения как особая форма участия в российском гражданском процессе применяется в связи с необходимостью определения мнения ребенка по жизненно важным вопросам. Статья 57 Семейного кодекса РФ фактически воспроизводит положение ч. 2 ст. 12 КПП 1989 г. о праве ребенка быть заслушанным. Однако возможность быть заслушанным в национальном законодательстве ограничена возрастными рамками и *обязательна только с десятилетнего возраста в случаях, прямо предусмотренных законом*. Так, закон прямо обязывает суд выяснить мнение ребенка: при восстановлении родителей в родительских правах (ч. 4 ст. 72 СК РФ), усыновлении (удочерении) (ст. 172 СК РФ), назначении опеки и попечительства (ч. 4 ст. 145 СК РФ) и др.

Особую проблему представляет отсутствие возможности выяснить мнение ребенка, не достигшего возраста 10 лет. Несмотря на то что ст. 57 СК РФ не содержит прямого запрета о выяснении мнения ребенка в возрасте до 10 лет, судебная практика показывает, что данная норма в указанной части является не действующей, поскольку отсутствует специальный механизм ее реализации. В целях создания инструмента ее осуществления правовед А.А. Алексеев предлагает введение процедуры опроса детей в возрасте до 10 лет по месту их нахождения¹⁵.

В целом реализация права ребенка на участие в суде носит ограниченный характер. Так, процессуальный закон обходит молчанием проблему, когда несовершеннолетний нуждается в защите именно от своего законного представителя. Реализовать данную форму представи-

тельства в России исходя из действующих процессуальных норм затруднительно, а поскольку Россия не является участницей Европейской конвенции об осуществлении прав детей 1996 г., она не связана обязательствами по созданию специальных институтов представительства несовершеннолетних. Это положение находится в противоречии с положениями семейного права, которые наделяют ребенка с 14 лет правом на обращение в суд (ч. 2 ст. 56 СК РФ).

Между тем в 2021 г. Руководящим комитетом по правам детей Совета Европы опубликовано «Аналитическое исследование правовых инструментов защиты наилучших интересов ребенка в ситуациях раздельного проживания родителей», в котором эксперты приходят к выводу, что ребенку требуется юридическое представительство, когда его наилучшие интересы должны быть официально оценены и определены судами. Руководящий Комитет на основании анализа практики европейских стран выделяет два случая, когда необходимо юридическое представительство: 1) в случаях, когда ребенок передается в административном или судебном порядке под опеку или попечительство, 2) когда есть потенциальный конфликт между сторонами в этом решении¹⁶.

Следовательно, анализ национального законодательства демонстрирует необходимость изменения самой концепции понимания права ребенка на участие и создания системы специальных механизмов выявления и оценки мнения ребенка. Так, в ряде стран существуют специализированные семейные суды, в которых действуют особые процедуры опроса несовершеннолетних с привлечением квалифицированных специалистов в области психологии и педагогики, применением неформальных процедур, создающих комфортную атмосферу для несовершеннолетних (Германия, США, Канада, Австралия и др.). В Норвегии особые полномочия по опросу детей возложены на Государственную социальную службу по помощи и поддержке детей

¹⁵ Алексеев А.А. Проблемы непосредственного участия несовершеннолетних лиц в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 10. С. 19.

¹⁶ Feasibility study of a legal instrument on the protection of the best interests of the child in domestic law proceedings by public authorities to limit parental responsibilities or place a child in care. P. 44–45.

и подростков (Барневарн), которая обязана проинформировать и проконсультировать ребенка по вопросам права.

Основой новой концепции должны выступить европейские стандарты, разработанные практикой Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). «Основопологающий принцип действия Европейского Суда — разрешать системные проблемы, существующие в правовой системе государства-участника, через призму сложившихся понятий конвенциональных прав, устоявшихся правовых позиций, принятых во исполнение Конвенции»¹⁷. Конвенционное право на судебную защиту, закрепленное ст. 6 Европейской конвенции, носит абсолютной характер, не подлежит ограничению, признавая правосубъектность за всеми лицами. Заявителем в ЕСПЧ может быть любое лицо независимо от объема дееспособности, в том числе несовершеннолетний, главное требование — нарушение прав данного лица, наличие статуса «жертвы».

Право ребенка на самостоятельное обращение в ЕСПЧ было обосновано в Постановлении ЕСПЧ по делу «А. против Великобритании» 1999 г. В данном случае ребенок защищал свои права от отца, который на регулярной основе избивал его тростью. «Право на законное

наказание» в Великобритании основано на древней традиции, согласно которой родители или учитель могут использовать мягкие и разумные телесные наказания для воспитания детей. В данном случае 9-летний подросток не имел иной возможности как самостоятельно обратиться к ЕСПЧ. ЕСПЧ сформулировал правовую позицию, согласно которой непризнание за ребенком процессуальной дееспособности на подачу жалобы нарушает право на судебную защиту по смыслу ст. 6 Европейской конвенции.

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что в России специальные механизмы, обеспечивающие «право ребенка на участие», на сегодняшний день отсутствуют, «право ребенка быть заслушанным» признается только в исключительных случаях. Представляется целесообразным изменить парадигму понимания участия ребенка в суде и создать новую концепцию, имплементирующую положение ч. 2 ст. 12 КПП 1989 г. о безусловном характере права ребенка быть заслушанным. Основу новой концепции должны составить правовые позиции Европейского Суда по правам человека и положительный опыт правосудия стран Совета Европы в сфере создания системы специальных гарантий, введения упрощенных процедур участия ребенка в суде, формирования институтов сопровождения и представительства, использующих индивидуальный подход к ребенку.

¹⁷ Чечулина А.А. Некоторые аспекты защиты права собственности в практике Европейского Суда по правам человека // Вестник ВЭГУ. 2015. № 6 (80). С. 130.

Литература

1. Алексеев А.А. Проблемы непосредственного участия несовершеннолетних лиц в гражданском процессе / А.А. Алексеев // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 10. С. 17–21.
2. Алексеева Л.Б. Применение судами международных норм в области прав человека / Л.Б. Алексеева // Комментарий российского законодательства. Москва : РПА, 1997. С. 31–35.
3. Чечулина А.А. Некоторые аспекты защиты права собственности в практике Европейского Суда по правам человека / А.А. Чечулина // Вестник ВЭГУ. 2015. № 6 (80). С. 128–136.
4. Шварц О.А. Организационные и процессуальные гарантии права человека на судебную защиту : автореферат диссертации кандидата юридических наук / О.А. Шварц. Москва, 1999. 23 с.

References

1. Percy-Smith B. A Handbook of Children and Young People Participation. Perspectives from theories and practice / B. Percy-Smith, N. Thomas. Oxon, UK : Routledge, 2010. 404 p.

Границы диспозитивности при корректировке исковых требований в суде апелляционной инстанции

Лебедев Михаил Юрьевич,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук
lebedev-sgap@yandex.ru

Признавая необходимость корректировки действия того или иного принципа гражданского процессуального права в зависимости от вида или стадии гражданского судопроизводства, автор считает, что каждое дополнение или изъятие из сущности принципа не должно противоречить цели гражданского судопроизводства. Более того, такие изменения целесообразны лишь в случае оптимизации механизмов для ее достижения. В этой связи в статье рассматривается вопрос о целесообразности расширения действия принципа диспозитивности в рамках производства в суде апелляционной инстанции. В частности, одним из направлений такого расширения, по мнению автора, может стать распространение диспозитивного начала в вопросе распоряжения размером заявленных исковых требований со стороны истца и на стадии апелляционного пересмотра судебного постановления.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, принцип диспозитивности, апелляционная инстанция, цель гражданского судопроизводства, задачи гражданского судопроизводства, принцип судебной защиты.

Dispositivity Limits in the Course of Claim Adjustment in a Court of Appeal

Mikhail Yu. Lebedev
Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy
PhD (Law)

Recognizing the need to adjust the operation of a principle of civil procedural law depending on the type or stage of civil proceedings, the author believes that each addition or withdrawal from the essence of the principle should not contradict the purpose of civil proceedings. Moreover, such changes are appropriate only if the mechanisms for achieving it are optimized. In this regard, the article discusses the expediency of expanding the operation of the principle of dispositivity in the framework of proceedings in the court of appeal. In particular, one of the directions of such expansion, according to the author, may be the dissemination of a dispositive principle in the matter of disposing of the size of the claimed claims by the plaintiff and at the stage of the appeal review of the court order.

Keywords: civil proceedings, the principle of dispositivity, the appellate instance, the purpose of civil proceedings, the tasks of civil proceedings, the principle of judicial protection.

В доктрине гражданского процессуального права традиционно принято указывать на специфику проявления того или иного принципа в зависимости от вида гражданского судопроизводства или его стадии¹.

Так, в рамках приказного вида гражданского судопроизводства многие авторы отмечают специфику действия таких принципов, как осуществление правосудия только судом, состязательности или процессуальной экономии². О трансформации состязательности и диспозитивности

в рамках особого судопроизводства также неоднократно упоминалось в научной литературе³.

В рамках апелляционного пересмотра судебных постановлений исследователи не только констатировали специфику проявления большинства гражданских процессуальных принципов (состязательности, диспозитивности, процессуальной экономии и прочее), но и выдвигали авторские концепции наличия присущих только этой стадии гражданского судопроизводства принципов⁴.

¹ См., например: Курас Т.Л. Вопросы действия принципа диспозитивности в гражданском процессе РФ // Сибирский юридический вестник. 2008. № 3 (42). С. 76.

² См., например: Ярошенко Т.В. Особенности института судебного приказа в гражданском процессе // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 9. С. 61.

³ См., например: Францифоров А.Ю. Сущность особого производства (теоретические и практические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 9.

⁴ См.: Караваева Е.В. Вопросы апелляционного производства в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 8.

Такое положение вещей коррелируется с постулатом о том, что «исключение лишь подтверждает общее правило». Вместе с тем представляется, что такие исключения касательно действия принципов отрасли права не должны менять сущности конкретного принципа. Будучи «основными положением всей отрасли», принципы по определению должны оставаться единым началом, пусть и с разной степенью своего воздействия на субъектов. Такое воздействие в любом случае должно отвечать цели всего гражданского судопроизводства независимо от того, в рамках какой его стадии или вида реализуется тот или иной принцип.

В этой связи важным представляется исследование вопроса о корректировке действия принципа диспозитивности при пересмотре судебного постановления судом вышестоящей инстанции. В частности, истец в апелляционной инстанции при повторном рассмотрении дела не может воспользоваться таким своим диспозитивным распорядительным правом, как изменение размера исковых требований, за исключением случаев, когда апелляционная инстанция рассматривает дело по правилам суда первой инстанции⁵.

Идея иного правового регулирования данного вопроса всплывала на повестке дня совсем в недалеком прошлом, но не нашла своего реального воплощения⁶.

По нашему мнению, исследование действия принципов гражданского процессуального права в целом необходимо вести с позиции цели и задач гражданского судопроизводства. В этой связи особо актуальным представляется вопрос об изменении задач гражданского судопроизводства и включении условно «новой» задачи — по «мирному урегулированию спора». Такая задача, реализуемая в первую очередь в суде первой инстанции, заставляет нас по-иному задуматься и о сути апелляционного производства, которое хоть и с исключениями, но все же ведется по правилам

производства в суде первой инстанции. По нашему мнению, именно примирение, а не традиционное рассмотрение и разрешение дела должно ставиться судом апелляционной инстанции во главу угла всего апелляционного производства. Такая постановка вопроса требует от суда апелляционной инстанции иного взгляда и на многие диспозитивные распорядительные действия сторон, в том числе на изменение истцом размера исковых требований.

Сама категория «размер исковых требований» не имеет легального определения в гражданском процессуальном законодательстве. По нашему мнению, «размер исковых требований» нужно соотносить с одной из составляющих частей (элементов) иска, а именно с его предметом. В контексте нашей проблематики заметим, что ответ на вопрос о том, как соотносятся понятия «предмет иска» и «размер искового требования», следует искать в подходе к определению того, что собственно представляет собой правовая категория «предмет иска».

Будучи одной из составляющих самой теоретической конструкции «иск», предмет как его часть (элемент) неоднозначно трактуется в науке гражданского процессуального права. Наиболее типичными подходами в этом вопросе являются либо определение предмета иска как «самого требования истца к суду» (либо, как вариант, к ответчику, в зависимости от приверженности исследователя к «процессуальной» или «материальной» концепциям иска)⁷, либо как предположительно нарушенной ответчиком нормы материального законодательства, регулирующей то или иное субъективное право истца⁸.

Если стоять на первой позиции в этом вопросе, то получается, что изменение размера исковых требований есть не что иное, как изменение количественной составляющей заявленного материально-правового требования истца к ответчику, т.е. по сути это одна из форм изменения предмета иска. При такой постановке вопроса напрашивается вывод о неизбежности изменения предмета иска при увеличении / уменьшении размера заявленных требований.

⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 7.

⁶ См., например: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена Решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124 (1)) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См., например: Гражданский процесс : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. М.К. Треушникова. М. : Городец, 2007. С. 229 (автор главы 15 — С.А. Иванова).

⁸ См., например: Гражданское процессуальное право : учебник / С.А. Алехина и др. / под ред. М.С. Шакарян. М. : ТК Велби, 2005. С. 199 (автор главы 11 — И.М. Пятилетов).

Именно в таком контексте трактуется категория «предмет иска» и правоприменительная практика. Так, в частности, Верховный Суд РФ в одном из своих постановлений прямо подчеркнул, что предметом иска выступает избранный истцом способ защиты права⁹.

Вместе с тем с таким подходом в этом вопросе согласиться не представляется возможным. По нашему мнению, определение предмета иска с позиции исследователей о том, что он (предмет) является самим заявленным требованием (в данном контексте не важно, к кому, суду или ответчику), не раскрывает сути этой правовой категории. А вот второй подход, через определение предмета иска через собственно нарушенное субъективное материальное право истца, урегулированное в конкретной норме материального закона, как раз позволяет нам уловить четкую грань между этими правовыми категориями. Определяя предмет иска в этом случае, истец определяет для себя и суда абстрактное нарушенное право и конкретизирует его в норме закона. При таком подходе, изменяя размер искового требования, истец никоим образом не вторгается ни в сферу защищаемого права в целом, ни в норму материального законодательства, регулирующую это право. Прав в этой связи А.Н. Балашов, замечая, что изменение размера исковых требований, являющееся лишь формой изменения иска, следует рассматривать не как изменение предмета иска, а как изменение количественной стороны требования¹⁰. Нормы закона при таком распорядительном праве истца остаются неизменными, что означает главное — апелляция инстанция при изменении размера исковых требований будет рассматривать тот же иск по сути.

Возвращаясь к «размеру исковых требований», мы можем отметить его устойчивую связь со ст. 91 ГПК РФ, определяющей такую правовую категорию, как «цена иска», привязывающую нас к имущественно-стоимостной ориентации предмета иска (видимо, иска о присуждении).

При таком понимании под изменением размера исковых требований мы должны

⁹ См.: Постановление Верховного Суда РФ от 4 июля 2016 г. № 305-АД16-8893 по делу № А40-134966/2015. URL: <https://base.garant.ru/71438568/> (дата обращения: 21.01.2022).

¹⁰ См.: Балашов А.Н. Процессуальные права и обязанности сторон при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 20.

понимать любое изменение стоимостного выражения того объекта материальных правоотношений, право на защиту которого отстаивается истцом в суде.

Подход законодателя в части ограничения действия принципа диспозитивности (равно как и любого другого принципа) должен быть обусловлен стремлением к конструкции норм об идеальном апелляционном производстве, максимально отражающих его суть.

Как известно, сутью апелляционного судопроизводства выступает проверка законности и обоснованности не вступивших в законную силу решений и определений судов общей юрисдикции, принятых ими по первой инстанции¹¹. Вместе с тем апелляционная инстанция рассматривает и разрешает гражданское дело повторно по существу. Учитывая это обстоятельство, следует согласиться с высказанным в литературе мнением о соотношении контроля и пересмотра в рамках апелляции как соотношения цели (контроля) и задачи (пересмотра) в рамках данной стадии¹².

Главный аргумент противников расширения действия принципа диспозитивности, в части изменения размера исковых требований, как раз и базируется на тезисе о том, что контроль как цель апелляционной проверки отождествляется ими с поиском апелляционным судом ошибок, допущенных судом первой инстанции. Такие ошибки, по их мнению, необходимо искать в рамках запрототолированного в первой инстанции исследования материалов дела¹³. Полагаем, что такая позиция несколько упрощает цель апелляционного пересмотра, вследствие чего не совсем точна.

Так, Е.А. Борисова, говоря о цели апелляционного пересмотра судебных постановлений, справедливо подчеркивает, что она заключается как раз не в обнаружении и исправлении судебной ошибки, а в *выявлении обстоятельств* (курсив наш. — М.Л.), которые влияют на результат первоначаль-

¹¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 7.

¹² См.: Караваева Е.В. Указ. соч. С. 7.

¹³ См., например: Морозова А.С. Изменение предмета или основания иска в суде апелляционной инстанции // Вестник Омского университета. Серия Право. 2017. № 3 (52). С. 103.

ного разрешения дела¹⁴. Именно такими обстоятельствами и могут стать диспозитивные распорядительные действия истца по изменению размера исковых требований. Зачем тратить ресурсы государственного судопроизводства в ситуации, когда истец своим волеизъявлением изменил обстоятельства и вывел правоотношения сторон на новый уровень степени напряженности? Кто проиграет от того, что в изменившейся ситуации стороны придут к иному взгляду на спор и, как следствие, к его мирному урегулированию? Ответы на эти вопросы очевидны — в выигрыше будут все.

Отметим для себя, что указанная выше Е.А. Борисовой цель пересмотра судебных актов является, по нашему мнению, скорее задачей апелляционного производства. Напомним, что апелляция хоть и самостоятельная, но стадия всего гражданского судопроизводства. В этой связи цель апелляционной проверки как части всего гражданского судопроизводства, безусловно, уходит своими корнями в нормы ст. 46 Конституции РФ, гарантирующей судебную защиту нарушенного и/или оспариваемого права. В этой связи апелляция представляет собой не что иное, как дополнительную государственную гарантию реализации права на судебную защиту. Как верно замечает Е.А. Борисова, такая гарантия «обеспечивает справедливое разбирательство дела в судах проверочных инстанций»¹⁵. Высшие судебные инстанции и при этом не раз подчеркивали, что эта самая судебная защита должна быть в том числе и максимально эффективной¹⁶. Права в этой связи С.Ж. Соловых, связывая эффективность всего процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в рамках судебной защиты с качеством процесса взаимодействия суда и сторон¹⁷.

В этой связи ограничение диспозитивного начала в волеизъявлении истца, направленного на изменение размера ис-

ковых требований, должно отвечать сути апелляционного производства, т.е., другими словами, оно должно быть направлено на достижение его цели — реализация судебного контроля для максимально эффективной судебной защиты. Представляется при этом, что «максимально эффективная судебная защита» — это обоюдное состояние по отношению друг к другу обеих сторон урегулированного в судебном порядке спора.

Еще одним аргументом в вопросе изменения размера исковых требований выступает положение процессуального законодательства о пределах рассмотрения апелляционной инстанцией дела в границах жалобы, которая, в свою очередь, должна ориентироваться на объем исследованного доказательственного материала, зафиксированного протоколом. Выход за пределы судебного исследования ограничен так называемыми интересами законности. Такая позиция законодателя в этом вопросе логична и понятна — апелляция хоть и повторное рассмотрение, но все же того дела, которое уже было рассмотрено судом первой инстанции. Вместе с тем изменение размера исковых требований, т.е. стоимостного выражения предъявляемых к ответчику притязаний, никоим образом не изменит сути исследованных в первой инстанции доказательств, равно как и не коснется, как мы отмечали выше, примененных этой инстанцией норм материального права.

Не случайно и законодатель, и верховный правоприменитель стоят здесь на позиции о допустимости в определенных случаях исследовать в апелляции так называемые новые доказательства. Даже если допустить, что изменение размера исковых требований в сторону его увеличения потребует от апелляционной инстанции исследования дополнительного (нового) доказательства, это обстоятельство никак не повлияет на суть апелляционного пересмотра (апелляция и в этом случае осуществит контроль за выявленным «новым обстоятельством»).

Здесь уместно отметить то, что, по меткому выражению О.В. Николайченко, «современное гражданское процессуальное законодательство имеет тенденцию к увеличению юридических дозволений»¹⁸. Такая тенденция, представляется, не только не изменилась, но и приобрела более зрелые

¹⁴ См.: Борисова Е.А. Теоретические проблемы судебных актов в гражданском, арбитражном процессах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 7.

¹⁶ См., например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 сентября 2018 г. № 11-КГ 18-21. URL: (дата обращения: 21.01.2022).

¹⁷ См.: Соловых С.Ж. Процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2019. С. 16.

¹⁸ Николайченко О.В. Последствия несоблюдения гражданских процессуальных норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 15.

и качественные черты. Так, в нашем случае, дозволение истцу изменить исковое требование, например в сторону его уменьшения, вероятно, изменит и соответствующее отношение ответчика к заявленному требованию в сторону возможности мирного урегулирования спора. Такое же изменение может произойти и в случае увеличения заявленных первоначальных требований. Как то, так и другое действие выводит ответчика на очевидные рассуждения о целесообразности рассмотрения вопроса сатисфакции «здесь и сейчас», не дожидаясь продолжения процесса по стадиям и, как следствие его удорожания (в этом случае он задумается о таком диспозитивном своем действии, как признание иска). С другой стороны, варьирование позиции истца в сторону уменьшения требования, вполне вероятно, подтолкнет обе стороны к заключению мирового соглашения. Исследуя сущность апелляционного пересмотра судебных постановлений, Р.В. Шакирьянов справедливо говорит именно о диспозитивном начале права истца на уменьшение размера заявленных исковых требований в апелляционной инстанции¹⁹. Полагаем, что и «обратная сторона медали» этого диспозитивного распорядительного действия истца в данном случае так же уместна.

В этой связи следует согласиться с мнением о том, что право на изменение предмета иска «дает возможность уточнить, скорректировать правовую позицию истца по делу»²⁰. При изменении размера заявленных исковых требований истцом такая корректировка не менее значима для обеих сторон. Заметим, что фактическая сторона дела, как константа стабильности конкретного защищаемого материального права, остается в данном случае практически неизменной.

Представляется, что не случайно и общий вектор развития апелляционного производства направлен именно на расширение диспозитивного начала в действиях сторон. Так, в частности, упомянутый выше Пленум уделил внимание этому вопро-

су, подчеркнув возможность применения таких диспозитивных прав в апелляции, как отказ от иска истцом, признание иска ответчиком и заключение мирового соглашения.

Рассуждая на эту тему, А.С. Морозова вполне резонно замечает, что такое трактование диспозитивности обусловлено тем, что эти распорядительные действия сторон направлены на окончание спора. В то же время, по ее мнению, изменение размера исковых требований направлено не на окончание спора, а «лишь на его преобразование». Далее она приходит к выводу о том, что предоставление такой возможности только истцу нарушит в рамках апелляционного производства действие принципа «равенства сторон» и, как следствие, действие принципа состязательности²¹. С доводами указанного автора согласиться не представляется возможным по следующим основаниям.

Во-первых, как уменьшение, так и увеличение исковых требований истца имеют свою причину и следствие. Не рассматривая частный случай злоупотребления правом в рамках таких действий, который можно «выкрутить» из любого регулирования любого правового института, изменяя размер искового требования, истец латентно меняет свое отношение к спору с ответчиком либо в сторону его мирного урегулирования (уменьшая размер), либо в сторону своего потенциального выигрыша (увеличивая размер). И то и другое действие направлено как раз на окончание судопроизводства и получения судебной защиты.

Во-вторых, А.С. Морозова, говоря о «равенстве» сторон применительно к возможности осуществления распорядительными действиями и привязке к состязательности, видимо, все же имела в виду «принцип процессуального равноправия сторон». Такой аргумент достаточно часто выдвигается сторонниками «чистого» подхода к урегулированию действия принципов права в разных отраслях. Странно здесь, однако, то обстоятельство, что указанный автор чуть выше в своих рассуждениях поддерживает идею распространения диспозитивности на отказ истца от иска, не считая это ущемлением процессуального равноправия. Видимо, во главу угла в этом случае она ставит

¹⁹ См.: Шакирьянов Р.В. Производство по пересмотру постановлений мировых судей по гражданским делам в апелляционном порядке : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 17.

²⁰ См.: Борецкая Л.Р. Современное состояние и практика реализации истцом права на изменение предмета или основания иска в гражданском процессе // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 280.

²¹ См., например: Морозова А.С. Изменение предмета или основания иска в суде апелляционной инстанции // Вестник Омского университета. Серия Право. 2017. № 3 (52). С. 105.

известное в науке положение о том, что процессуальное равноправие в более точном понимании означает не полное совпадение прав сторон, а их сопоставимость, помня, что на отказ от иска закон и в апелляции предусматривает право признания иска ответчиком в соблюдение именно этого самого принципа процессуального равноправия. Но в этом случае возникает другой резонный вопрос — если, по мнению А.С. Андреевой, изменение размера исковых требований есть изменение предмета иска, то и следствием такого воздействия на иск со стороны ответчика как раз и будет сопоставимое право истца иск признать либо пойти на мировое соглашение.

В любом случае все указанные выше нами действия (изменение размера исковых требований) направлены на достижение главной цели как апелляционного производства в частности, так и всего гражданского судопроизводства в целом — нарушенное или оспариваемое право будет защищено взаимоприемлемым для обеих сторон и наиболее эффективным способом. Такое положение дел будет в полной мере соответствовать действию принципа судебной защиты нарушенного или оспариваемого права, который и является квинтэссенцией современного российского гражданского судопроизводства.

Литература

1. Балашов А.Н. Процессуальные права и обязанности сторон при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Н. Балашов. Саратов, 2005. 26 с.
2. Борецкая Л.Р. Современное состояние и практика реализации истцом права на изменение предмета или основания иска в цивилистическом процессе / Л.Р. Борецкая // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 279–284.
3. Борисова Е.А. Теоретические проблемы проверки судебных актов в гражданском, арбитражном процессах : автореферат диссертации доктора юридических наук / Е.А. Борисова. Москва, 2005. 44 с.
4. Гражданский процесс : учебник / под редакцией М.К. Треушников. 2-е изд. перераб. и доп. Москва : Городец, 2007. 784 с.
5. Гражданское процессуальное право : учебник / С.А. Алехина [и др.] ; под редакцией М.С. Шакарян. Москва : ТК Велби, 2005. 592 с.
6. Караваева Е.В. Вопросы апелляционного производства в гражданском процессе : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.В. Караваева. Саратов, 2005. 26 с.
7. Курас Т.Л. Вопросы действия принципа диспозитивности в гражданском процессе РФ / Т.Л. Курас // Сибирский юридический вестник. 2008. № 3 (42). С. 76–79.
8. Морозова А.С. Изменение предмета или основания иска в суде апелляционной инстанции / А.С. Морозова // Вестник Омского университета. Серия Право. 2017. № 3 (52). С. 102–106.
9. Николайченко О.В. Последствия несоблюдения гражданских процессуальных норм : автореферат диссертации кандидата юридических наук / О.В. Николайченко. Саратов, 2007. 26 с.
10. Соловых С.Ж. Процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.Ж. Соловых. Саратов, 2019. 37 с.
11. Францифоров А.Ю. Сущность особого производства (теоретические и практические аспекты) : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Ю. Францифоров. Саратов, 2009. 28 с.
12. Шакирьянов Р.В. Производство по пересмотру постановлений мировых судей по гражданским делам в апелляционном порядке : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Р.В. Шакирьянов. Саратов, 2006. 28 с.
13. Ярошенко Т.В. Особенности института судебного приказа в гражданском процессе / Т.В. Ярошенко // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. № 9. С. 61–65.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-9-29-32

Право на информированность (уведомление) участников уголовного судопроизводства: проблемы правоприменения

Волосова Нонна Юрьевна,
заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета
Оренбургского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
vasilii_vasiliev@rambler.ru

Право на информированность (уведомление) участников уголовного судопроизводства рассматривается автором статьи как гарантия их прав. Однако лица, осуществляющие производство по уголовному делу, злоупотребляют правом и ненадлежаще выполняют данные предписания закона, что отчасти вызвано неверным формированием самого законодательного предписания, что требует его коррекции.

Ключевые слова: информированность, обвиняемый, уголовно-правовые запреты, мера пресечения, домашний арест, уведомление.

The Right to Be Informed (Notified) of Parties to Criminal Proceedings: Law Enforcement Problems

Nonna Yu. Volosova
Head of the Department of Criminal Law of the Law Faculty
of the Orenburg State University
LL.D., Associate Professor

The right to information (notification) of participants in criminal proceedings is considered by the author of the article as a guarantee of their rights. However, persons conducting criminal proceedings abuse the right and improperly comply with these prescriptions of the law, which is partly caused by the incorrect formation of the legislative prescription itself, which requires its correction.

Keywords: awareness, accused, criminal law prohibitions, preventive measure, house arrest, notification.

Информированность участников уголовного судопроизводства о своих правах, процессуальном статусе, возможности обжаловать принимаемые решения лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, входит неотъемлемой частью в их правовой статус, законность осуществления уголовно-процессуальной деятельности и реализацию права на защиту.

Информированность в теории уголовного-процессуального права и уведомление в большинстве исследований, полагаем, справедливо рассматриваются как синонимичные понятия. В частности, Е.Е. Иванов говорит о необходимости своевременного и полного информирования (уведомления) участников уголовного судопроизводства¹. О.И. Даровских отмечает важность такой категории, как

информированность (уведомление) в уголовном процессе².

Информированность (уведомление) является важной составляющей уголовно-процессуальной деятельности, так как позволяет участникам уголовного судопроизводства эффективно реализовать предоставленные им законодательством права, выполнять возложенные обязанности, своевременно обжаловать принимаемые процессуальные решения и т.п. Это является очень важным в реализации ими своего статуса. Не случайно многие исследователи связывают информированность (уведомление) с принципами уголовного процесса, рассматривая информированность (уведомление) как обеспечивательный механизм их реализации³.

¹ Иванов Е.Е. Уведомление в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 14.

² Даровских О.И. Средства и способы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : монография. М. : Юрлитинформ, 2022. С. 94.

³ Даровских О.И. Указ. соч. С. 95.

Уголовно-процессуальный кодекс в ст. 144, 145, 146, 164 и многих других устанавливает порядок разъяснения прав участникам уголовного судопроизводства, порядок уведомления их о совершенных процессуальных действиях и принимаемых процессуальных решениях и т.п. Это возлагает на лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, определенные обязанности, обеспечивающие эти предписания закона. И если разъяснение процессуальных прав, обязанностей и ответственности, уведомление о процессуальном статусе участника не вызывает споров и в целом соблюдается в процессе производства по уголовному делу, то относительно информированности (уведомления) участников уголовного судопроизводства о принятых процессуальных решениях и совершенных действиях возникает достаточно много проблем на практике.

Прежде чем вскрыть проблемы, необходимо рассмотреть вопрос о порядке и формах уведомления участников уголовного судопроизводства. Анализ действующего законодательства позволяет констатировать тот факт, что данный порядок не определен, не предусмотрены сроки такого уведомления, а также отсутствует возможность проверки доведения такой информации до соответствующего лица. Например, в ч. 1 ст. 209 УПК РФ установлено, что в случае приостановления предварительного следствия по основаниям, предусмотренным п. 3 и 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, уведомляются подозреваемый, обвиняемый и его защитник. Норма содержит лишь указание на необходимость уведомления и круг участников процесса, которых необходимо уведомить. Аналогичная ситуация и с формированием иных положений уголовно-процессуального законодательства, в которых содержатся указания на необходимость уведомления участников процесса.

Информировать (уведомлять) участников о принятом решении или совершенном процессуальном действии можно путем направления им постановлений, в которых содержатся процессуальные решения, принимаемые лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, почтовым отправлением. Уведомить можно и посредством личного вручения

такого процессуального документа соответствующему лицу — потерпевшему или обвиняемому. Если же обвиняемый находится в следственном изоляторе, то постановление вручается ему через администрацию данного учреждения. Казалось бы, механизм, предусмотренный законодателем, безупречен и позволяет своевременно информировать (уведомлять) участников уголовного судопроизводства о принимаемых решениях и т.п.

Но все меняется, когда в отношении обвиняемого избирается мера пресечения в виде домашнего ареста с наложением запретов совершать определенные действия.

В частности, в соответствии с ч. 7 ст. 107 УПК РФ и п. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ могут быть установлены ряд запретов для обвиняемого в период реализации данной меры пресечения (общаться с определенными лицами; пользоваться средствами связи и некоторые другие).

Если с рядом представленных запретов все ясно (невозможность использования некоторых средств коммуникации, управление транспортными средствами и т.п.), то с получением почтово-телеграфных отправок не все так просто.

Нами уже было отмечено, что уведомление участников процесса о принятых решениях лиц, осуществляющих производство по делу, осуществляется либо путем личного вручения соответствующего документа, либо посредством почтовой связи. Запрет, налагаемый судом, на получение почтовой корреспонденции такое уведомление делает простой фикцией и существенно нарушает права участников уголовного судопроизводства.

Изученные нами решения судов Оренбургской области об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения с возложением на обвиняемого запретов на совершение определенных действий не содержат никаких исключений, касающихся получения корреспонденции от следственных и судебных органов, от защитников обвиняемого. Аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах Российской Федерации. Т.А. Калентьева в своем исследовании указывает на схожие проблемы в Самарской области.

Автором отмечается, что введение полного запрета на получение почтово-телеграфной корреспонденции влечет за собой невозможность получения обвиняемым ни повесток, ни каких-либо документов от следователя или суда. На ходатайства стороны защиты излагать данный запрет с предоставлением возможности отправлять и получать корреспонденцию от правоохранительных органов и суда суды не реагируют⁴.

Такая ситуация типична для большинства судов Российской Федерации, и ее следует рассматривать как злоупотребление процессуальными правами лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, а не информированность (уведомление) участников уголовного судопроизводства о принимаемых решениях — как нарушение их процессуальных прав.

По уголовному делу по обвинению Н., в отношении которой была избрана мера пресечения домашней арест с запретом на получение почтово-телеграфных отправок, уведомление о продлении сроков следствия, постановление о продлении сроков следствия одновременно не были ей вручены, хотя следователь указал, что и уведомление, и постановление были своевременно отправлены в адрес обвиняемой. Однако в решении суда об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста среди запретов был указан и запрет на получение почтово-телеграфной корреспонденции. Какую позицию занял суд? Суд занял вполне предсказуемую позицию, не усмотрев в действиях органов предварительного расследования никаких нарушений действующего законодательства. Суд согласился с тем, что корреспонденция была отправлена, а проблема ее получения — это проблема обвиняемой, так как отправление корреспонденции априори воспринимается следствием и судом как надлежащее уведомление не-

зависимо от того, имеются ли сведения о ее получении⁵.

По уголовному делу в отношении Ф. сложилась аналогичная ситуация⁶.

По существу вопрос о возможности получения корреспонденции, связанной с информированием о производстве по уголовному делу, лицами, в отношении которых избрана мера пресечения домашний арест и наложен запрет на получение почтово-телеграфной корреспонденции, не был решен законодателем. В свою очередь правоприменитель использует данные пробелы в предписаниях закона в своих интересах, порой и злоупотребляя правами. При построении нормы никто не задумывался о том, что может возникнуть ситуация, запрещающая получение почтово-телеграфной корреспонденции.

Многие обвиняемые и подозреваемые, понимая невозможность получения корреспонденции в период действия данных запретов, заявляют ходатайства о необходимости получения соответствующих документов лично. В частности, обвиняемая Н., понимая необходимость исполнения запретов на получение корреспонденции, направила следователю ходатайство о необходимости вручения ей лично процессуальных документов и принимаемых по уголовному делу решений, указав в ходатайстве невозможность получения ею корреспонденции ввиду содержания судебного запрета. Однако на данное ходатайство обвиняемой следователь никак не отреагировал и направлял корреспонденцию посредством почтовой связи, по существу не разрешив заявленное обвиняемой ходатайство. Адресат ввиду наложенного запрета не имел возможности получить ни процессуальные документы, ни принятое решение.

Информирование (уведомление) о принимаемых процессуальных решениях, наряду с информированием (уведомлением) о правах, является одной из важных процессуальных гарантий участников процесса.

Их неинформирование о правах, обязанностях и ответственности, о при-

⁴ Калентьева Т.А. О некоторых вопросах избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий на примере судебной практики Самарской области // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / науч. ред.: О.И. Андреева, Т.В. Трубникова ; отв. секретарь И.В. Чаднова. Томск, 2019. С. 45–52.

⁵ Архив Ленинского районного суда г. Оренбурга. 2022. Угол. дело по обвинению Н. по ст. 290, ч. 5, п. «б».

⁶ Архив Ленинского районного суда г. Оренбурга. 2020. Угол. дело по обвинению Ф. по ст. 159, ч. 4.

нимаемых процессуальных решениях, в том числе тех, которые тесно связаны с реализацией участниками процесса их прав и обязанностей, лишает такого участника судопроизводства возможности воспользоваться принадлежащими ему процессуальными правами, лишает возможности их реализовать, нивелируя гарантии, предоставленные действующим законодательством.

По правильному замечанию Д.А. Гришина, право на информацию является важным составляющим статуса личности, позволяя иметь представление о предоставленных ей правовых возможностях, средствах их реализации и способах защиты в случае нарушения. В определенных случаях право на получение информации трансформируется в обязанность должностных лиц предпринять соответствующие действия — вручить копию постановления о возбуждении уголовного дела, о признании потерпевшим, об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу, о привлечении в качестве обвиняемого⁷. В проанализированных нами примерах из судебной практики прослеживается определенный парадокс, который связан с противоречивыми положениями законодательства и практикой их реализации.

⁷ Гришин Д.А. Право на информацию в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 139–142.

Литература

1. Гришин Д.А. Право на информацию в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / Д.А. Гришин // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 139–142.
2. Даровских О.И. Средства и способы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : монография / О.И. Даровских. Москва : Юрлитинформ, 2022. 240 с.
3. Иванов Е.Е. Уведомление в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : диссертация кандидата юридических наук / Е.Е. Иванов. Москва, 2020. 281 с.
4. Калентьева Т.А. О некоторых вопросах избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий на примере судебной практики Самарской области / Т.А. Калентьева // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей / научные редакторы: О.И. Андреева, Т.В. Трубникова ; ответственный секретарь И.В. Чаднава. Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2019. Ч. 83. С. 45–52.

Изложенное позволяет констатировать следующее: на сегодняшний день запрет на получение почтово-телеграфной корреспонденции требует своего законодательного уточнения.

Справедлива, по нашему мнению, точка зрения тех исследователей, которые указывают на необходимость при вынесении таких решений судом указывать исключения из данного запрета — возможность получения корреспонденции от правоохранительных и судебных органов, защитника, а также своевременное информирование участников уголовного судопроизводства о принимаемых решениях при производстве по уголовному делу. Тем не менее такой очевидный шаг не рассматривается правоприменителями как необходимое условие применения и реализации запрета.

Считаем, что изменения требует законодательное предписание, содержащееся в ст. 105 УПК РФ.

Полагаем возможными изменения по аналогии с ч. 8 ст. 105 УПК РФ, содержащей определенный перечень исключений из запрета использования телефонной связи. Думается, было бы верным такие исключения поместить в ч. 8.1 ст. 105 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции:

— запрет на получение почтово-телеграфных отправок подозреваемым или обвиняемым не распространяется на такие отправления от правоохранительных, судебных и контролирующих органов, а также защитника (защитников) подозреваемого, обвиняемого.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-9-33-37

К вопросу о юридической квалификации транснациональной организованной преступности в сфере отмывания денежных средств

Абдулазизов Мурад Кадиявович,

юрист Отдела криминологической экспертизы и уголовной практики

КАМО «Правовые Инициативы», город Москва

office@kamopi.ru

Преступления транснационального организованного характера в сфере отмывания денежных средств не являются точечными и случайными, поскольку механизм их совершения представляет собой логическую схему и планомерный, управляемый, координируемый и контролируемый процесс последовательного совершения и покушения на совершение серии разнонаправленных и многоцелевых преступлений, имеющих единую криминальную идеологию и композицию. Автор обособляет трансграничный элемент транснациональных организованных преступных сообществ в сфере отмывания денежных средств, систематизируя квалифицирующие признаки составов по организации такими сообществами запрещенной в Российской Федерации деятельности. Уголовно-правовой признак транснациональности организованных преступных сообществ необходимо учитывать при юридической квалификации организации запрещенной в Российской Федерации деятельности в качестве отягчающего уголовную ответственность и наказание фактора. Такой подход требует своей законодательной реализации при использовании методологически корректных юридико-технических средств.

Ключевые слова: транснациональная организованная преступность, отмывание денежных средств, транснациональные организованные преступные сообщества, легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, финансирование терроризма, противодействие транснациональной организованной преступности в сфере отмывания денежных средств, юридическая квалификация преступлений.

On the Legal Qualification of Transnational Organized Crime in the Money Laundering Sphere

Murad K. Abdulazizov

Lawyer at the Department of Criminological Examination and Criminal Practice

at LEGAL INITIATIVES Bar Association of the Moscow Region, Moscow

Transnational organized crimes in the field of money laundering are not targeted and random, since the mechanism of their commission is a logical scheme and a systematic, controlled, coordinated, and controlled process of sequential commission and attempted commission of series of multidirectional and multi-purpose crimes with the unified criminal ideology and composition. The author isolates the cross-border element of transnational organized criminal communities in the field of money laundering, systematizing the qualifying features of the structures for organizing activities prohibited in the Russian Federation by such communities. The criminal-legal qualifying feature of the transnationality of organized criminal communities must be taken into account when legally qualifying the organization of activities prohibited in the Russian Federation as an aggravating criminal liability and punishment factor. This approach requires its legislative implementation by the usage of methodologically correct law-making means.

Keywords: transnational organized crime, money laundering, transnational organized criminal communities, legalization (laundering) of proceeds from crime, financing of terrorism, countering transnational organized crime in the field of money laundering, legal qualification of crimes.

Высокая степень общественной опасности транснациональной организованной преступности в сфере отмывания денежных средств, выражающаяся в резонансном характере последствий соотносимых с ней преступных деяний, становится причиной повышенного внимания к ней со стороны законодателей

и правоприменителей, которые представляют различные правовые системы современности¹.

Как нам видится, сегодняшний курс уголовно-правовой политики проводится

¹ The Oxford Handbook of Crime and Public Policy. Oxford University Press, 2011. P. 271–406.

на инкорпорацию в Уголовный кодекс РФ статей об ответственности за создание и участие в организованных преступных сообществах (например, ст. 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 208, 209, 210, 210.1, 282.1, 282.2, 322.1 УК РФ). Последние формируются для совершения не единичного преступления, даже сложносоставного, а для преступной деятельности, которая носит профессиональный и серийно-длящийся характер.

Мы полагаем, что преступления транснационального организованного характера в сфере отмыывания денежных средств не являются точечными и случайными, поскольку механизм их совершения представляет собой логическую схему и планомерный, управляемый, координируемый и контролируемый процесс последовательного совершения и покушения на совершение серии разнонаправленных и многоцелевых преступлений, имеющих единую криминальную идеологию и композицию².

Представляется, уголовно-правовой срез криминальной деятельности транснациональных организованных преступных сообществ в сфере отмыывания денежных средств и механизма их взаимодействия между собой и некриминальными элементами общественных отношений, которые подвержены социально-экономическому влиянию транснациональной организованной преступности, выводит нас на анализ преступлений транснационального организованного характера в сфере отмыывания денежных средств в международно-правовом контекст транснациональной организованной преступности для инструментализации практики борьбы с ней.

Стоит отметить, что понятия «международное преступление» и «деяние международно-противоправного характера» используют для классификации преступных действия и бездействия, которые выходят за пределы государственных границ, скажем, при реализации преступной деятельности в нескольких юрисдикциях или при перемещении преступников и криминального капитала из одной юрисдикции в другую. Названные

терминологические конструкции также используют при юридической квалификации преступлений против объектов, охраняемых нормами международного права, т.е. международно-противоправного поведения, которое было криминализовано в конвенционном порядке в соответствии с международным договором или в силу сложившихся отношений на основании норм обычного международного права³.

Согласно международно-правовым подходам к определению уголовно-правовой и криминологической природы транснациональной организованной преступности, преступление носит транснациональный характер, если оно совершено: а) в более чем одном государстве; б) в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; в) в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность более чем в одном государстве; г) в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве⁴.

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности содержит определение, согласно которому под организованной преступной группой понимают структурно оформленное сообщество, насчитывающее не менее трех человек, основной целью которого является совершение преступлений для получения в прямой или косвенной форме материальной выгоды.

Российский законодатель сформулировал три базовых признака организованного преступного сообщества: 1) структурная и функциональная устойчивость; 2) совершение серии преступных деяний; 3) основанное на преступном умысле объединение лиц для совершения деяний по профессиональному и систематическому принципу. Мы думаем, что последний

² См.: Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.

³ The Oxford Handbook of International Criminal Law. URL: <https://www-oxfordhandbooks-com.ezproxy.ranepa.ru:2443/view/10.1093/law/9780198825203.001.0001/law-9780198825203> (дата обращения: 31.05.2022).

⁴ Статья 3 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.05.2022).

квалифицирующий признак отличает организованное преступное сообщество от организованной группы и группы лиц по предварительному сговору.

Важно отметить, что Верховный Суд РФ пояснил, что на устойчивость организованного преступного сообщества указывают такие факторы, как количество совершенных и планируемых преступлений и иных правонарушений; стабильность состава данного сообщества; постоянство реализуемых его участниками разнообразных форм и специальных методов преступной деятельности; длительность существования организованного преступного сообщества; тесная взаимосвязь между его участниками; скоординированность их действий⁵.

По нашему мнению, уровень организованности участников транснационального организованного преступного сообщества, скоординированности их действий, возрастающая степень общественной опасности таких формирований обусловили неизбежность законодательного закрепления в Уголовном кодексе РФ в качестве самостоятельных квалифицирующих признаков организованную форму преступного сообщества и группы.

Данные конфигурации преступной деятельности двух и более лиц, хотя и предполагают совместное совершение ими деяний, строго говоря, не являются простым соучастием. Во-первых, эти комбинации фактически являются соучастием специального типа, которое выражается в создании и участии в транснациональном организованном преступном сообществе для осуществления преступной деятельности на систематической и профессиональной основе. Во-вторых, они соединяют в себе ряд криминологических факторов, присущих сложному соучастию с дифференциацией функционала соучастников и разделением внутри ролевых групп соучастников (организаторов, исполнителей, пособников) преступного функционала и даже формированием «профессиональной нагрузки» на конкретного соучаст-

ника в зависимости от его преступной роли.

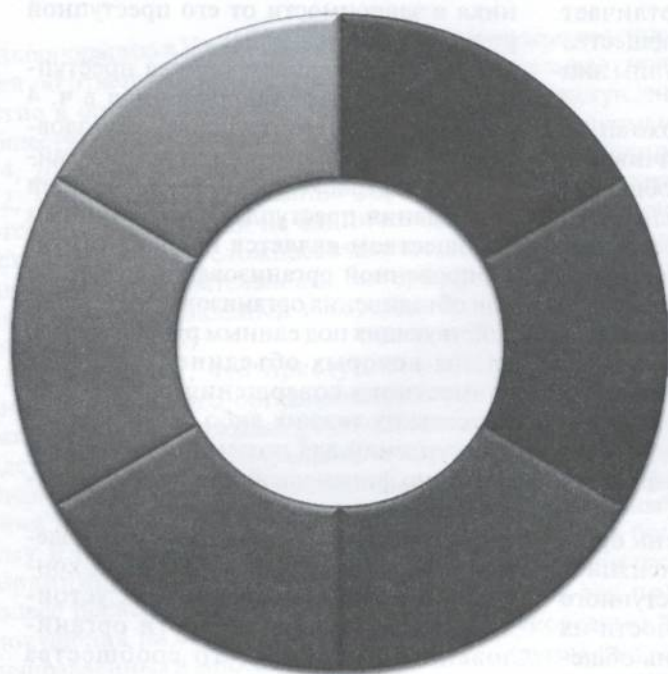
Законодательная формула преступного сообщества, закрепленная в ч. 4 ст. 35 УК РФ, исходит из сложной уголовно-правовой конструкции организованного соучастия. Условием квалификации совершения преступления преступным сообществом является наличие структурированной организованной группой или объединения организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

В качестве квалифицирующего элемента данной уголовно-правовой конструкции предложен признак устойчивой структурированности организованного преступного сообщества (см. рис. 1).

К содержательной стороне квалифицирующего признака организованного преступного сообщества в доктрине относят организацию как свойство — организованность лиц, заранее объединившихся для совершения серии тяжких и особо тяжких преступлений под эгидой сообщества, которое имеет функциональные подразделения, зачастую обособленные. Это сообщество характеризуют скоординированность действий по управлению и подчинению внутри него и совершению его участниками взаимосвязанных преступлений. Отличительной чертой также называют стабильность численного и персонального состава.

Как мы полагаем, при реализации контролируемого преступного умысла в структурированном организованном преступном сообществе, помимо централизованного руководства, прослеживаются вертикальное и горизонтальное взаимодействие между подразделениями такого сообщества; распределение стратегических задач и оперативных функций между его подразделениями и отдельными участниками; специализация при выполнении этих функций; регламентация действий участников организованного преступного сообщества.

⁵ См.: Постановление Пленума ВС РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // СПС «Гарант».

- стабильность состава
- длительность существования
- тесная взаимосвязь между участниками
- скоординированность действий участников
- постоянство реализуемых форм и методов преступной деятельности
- количество совершённых и планируемых преступлений

Признаки устойчивости транснационального организованного преступного сообщества

При квалификации объединения (ассоциации) организованных преступных групп устанавливаются следующие признаки: наличие единого руководящего центра; устойчивость организационных и функциональных связей между автономными организованными группами; сопланирование и соучастие в совершении серии тяжких и особо тяжких преступлений; совместную реализацию иных функций по управлению и контролю внутри такого объединения.

Нам близка позиция, согласно которой под структурным подразделением транснационального организованного преступного сообщества разумеют территориально и функционально обособленную группу лиц, включая ее руководителя или даже руководителей, которая осуществляет преступную деятельность в координации с преступным сообществом и в полной идеологической и материальной зависимости от него. Структурные подразделения транснационального организованного преступного сообщества, созданные им под выполнение

тактических задач, нацелены как на совершение отдельных преступлений (дача взятки, служебный подлог, фиктивное предпринимательство), так и на решение организационных вопросов, связанных с функционированием транснационального организованного преступного сообщества⁶.

Опираясь на уголовно-правовые и криминологические исследования международного диапазона организованной преступности, мы склонны обособлять трансграничный элемент преступности данного вида, систематизируя квалифицирующие признаки составов по организации транснациональными организациями транснациональными организованными сообществами запрещенной в Российской Федерации деятельности:

а) преступные деяния, направленные на декриминализацию преступного капитала, совершаются в одном государстве организованным преступным сообществом, базирующимся одновременно в нескольких юрисдикциях;

⁶ The Oxford Handbook of Organized Crime. Oxford University Press, 2014. P. 119–526.

б) преступления, направленные на декриминализацию преступного капитала, совершаются последовательно или хронологически одновременно в двух или более юрисдикциях;

в) деяния по декриминализации преступного капитала, признаваемые уголовно наказуемыми, совершаются в одной юрисдикции, а их планирование и подготовка реализуются в иной юрисдикции, даже если такие деяния не признаются в последней преступлениями;

г) деяния, направленные на декриминализацию преступного капитала, совершаются в одной юрисдикции, а их общественно опасные последствия, охватываемые умыслом, наступают в иной юрисдикции или сразу нескольких;

д) деяния, направленные на декриминализацию преступного капитала, готовятся или совершаются в одной юрисдикции, а их общественно опасные последствия, охватываемые умыслом, реализуются в форме причинения ущерба в иной или одновременно в ряде юрисдикций.

Совместная криминальная деятельность транснациональных организованных преступных сообществ в сфере отмывания денежных средств проявляется не только в подготовке опасных преступлений и их совершении, но и в преступном поведении иного качества.

В структуре транснационального организованного преступного сообщества в сфере отмывания денежных средств функционируют лица, задача которых состоит в обеспечении его нормальной жизнедеятельности путем снабжения необходимыми ресурсами, легализации

объектов криминального капитала и его регулярного приращения.

Как мы считаем, будучи противоправной, общественно опасной, наказуемой и виновной, деятельность таких лиц выходит за рамки понятия соучастия в его классическом уголовно-правовом значении⁷. Транснациональную организованную преступность в сфере отмывания денежных средств целесообразно расценивать в качестве совокупности относительных, переменных элементов, имеющих тесную связь друг с другом, в составе которых организованность (устойчивая структурированность) является замыкающей компонентой⁸.

Мы убеждены, что уголовно-правовой признак трансграничности (транснациональности) организованных преступных сообществ в сфере отмывания денежных средств необходимо учитывать при юридической квалификации организации запрещенной в Российской Федерации деятельности в качестве отягчающего уголовную ответственность и наказание фактора.

Такой подход требует реализации на законодательном уровне при использовании методологически корректных юридико-технических средств системной уголовно-правовой политики, нацеленной на системную борьбу с транснациональной организованной преступностью в сфере отмывания денежных средств.

⁷ См.: Плотников А.И. Соучастие в системе преступлений, характеризующихся стечением преступников // *Lex Russica*. 2016. № 5 (114). С. 117–132.

⁸ См.: Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991; Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М.: Норма, 2007. С. 183–200.

Литература

1. Криминология / под редакцией Н.Ф. Кузнецовой. Москва: ТК Велби; Проспект, 2006. 785 с.

References

1. Robinson D. *The Oxford Handbook of International Criminal Law* / D. Robinson; eds. by K. Heller, F. Megret, S. Nouwen, J. Ohlin. Oxford University Press, 2020. 912 p.
2. *The Oxford Handbook of Crime and Public Policy* / ed. by M. Tonry. Oxford University Press, 2011. 640 p.
3. *The Oxford Handbook of Organized Crime* / ed. by L. Paoli. Oxford University Press, 2014. 692 p.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-9-38-42

Самозанятые лица как субъекты предпринимательского мошенничества

Оганесян Тельман Геннадьевич,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
telman_555@mail.ru

С началом в 2018 г. эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» актуализирован вопрос о месте в сфере экономической деятельности лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуального предпринимателя, но являющихся самозанятыми. В настоящее время уголовный закон не признает самозанятых граждан в качестве специальных субъектов предпринимательского мошенничества.

В статье автор ставит вопрос о необходимости признания самозанятых граждан предпринимателями по смыслу ст. 2 ГК РФ для целей привлечения их к уголовной ответственности по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, а не по общим нормам о мошенничестве, предусмотренным ч. 1–4 ст. 159 УК РФ.

Автор статьи приходит к выводу, согласно которому решение данной проблемы через законодательное расширение круга субъектов мошенничества в сфере предпринимательской деятельности и включение в него самозанятых, а равно расширение круга лиц, способных быть потерпевшими от указанного преступления, будет соответствовать целям дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: уголовное право, мошенничество, предпринимательская деятельность, самозанятость.

Self-Employed Persons as Subjects of Entrepreneurial Fraud

Telman G. Oganessian

Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty
of the Lomonosov Moscow State University

With the beginning of the experiment on the establishment of a special tax regime "Professional Income Tax" the question of the place in the sphere of economic activity of persons who are not registered as individual entrepreneurs, but who are self-employed has arisen. Currently, self-employed citizens are not included in the number of special subjects, fraud associated with intentional non-fulfillment of contracts in the sphere of entrepreneurial activity.

In this article, the author raises the issue of recognition of self-employed citizens as entrepreneurs for the purpose of bringing them to responsibility under part. 5–7 article 159 of the Criminal Code of the RF, rather than the usual fraud under parts 1–4 of article 159 of the Criminal Code of the RF.

The solution of this problem through expanding the range of subjects of fraud in the sphere of entrepreneurial activity, including self-employed, as well as expanding the range of victims would meet the requirements of justice and equality, than the existing regulation.

Keywords: criminal law, fraud, entrepreneurial activity, self-employed.

Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ был начат эксперимент по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»¹.

С этого момента термин «самозанятый» стал трактоваться в несколько ином свете. Если ранее под ним понимались

любые лица, самостоятельно обеспечивающие себя работой, включая нотариусов, занимающихся частной практикой, индивидуальных предпринимателей²,

¹ Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7494.

² Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 1116-О // СПС «Консультант Плюс»; в п. 3.18 ГОСТа 12.0.004-2015 указано, что самозанятое лицо — это человек, самостоятельно занятый трудом по оказанию услуг в рамках договоров гражданско-правового характера, в том числе в форме индивидуального предпринимательства. См.: ГОСТ 12.0.004-2015 Система стандартов безопасности труда (ССБТ). Организация обучения безопасности труда. Общие положения (с Поправкой). Официальное издание. М., 2019.

то в настоящее время под ним понимаются физические лица, осуществляющие деятельность без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, применяющие режим «Налог на специальный доход», а также индивидуальные предприниматели. Такую трактовку дало, в частности, Министерство финансов РФ в Письме от 30 апреля 2021 г. № 03-11-10/34022³, Письме от 24 февраля 2021 г. № 03-11-11/12548⁴.

Таким образом, сфера экономической деятельности дополнилась еще одним независимым субъектом: самозанятыми гражданами. Однако в теории и на практике возникают вопросы, относить ли лиц, осуществляющих деятельность без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, применяющих режим «Налог на специальный доход», к предпринимателям. Практическое значение решения данного вопроса необходимо в том числе для правильной (с точки зрения дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности в сфере экономической деятельности) квалификации мошеннических действий самозанятых граждан.

В теории уголовного права выделяют два вида субъекта. Первый — общий субъект, под которым понимается лицо, соответствующее общим условиям уголовной ответственности, перечисленным в ст. 19 УК РФ: физическое лицо, возраст, вменяемость.

Второй вид — это специальный субъект, к которому в теории права относят лицо, обладающее наряду с общими признаками субъекта дополнительными признаками, обязательными для данного состава преступления, которые характеризуют, в частности, социальную роль, профессию, род занятий и правовое положение субъекта, физические свойства субъекта и его взаимоотношения с потерпевшим.

³ Письмо Минфина России от 30 апреля 2021 г. № 03-11-10/34022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Письмо Минфина России от 24 февраля 2021 г. № 03-11-11/12548 // СПС «КонсультантПлюс».

Специальный субъект в ч. 5–7 ст. 159 УК РФ определен по признаку рода занятий. Субъектом предпринимательского мошенничества уголовный закон определяет только индивидуальных предпринимателей и членов органов управления коммерческих организаций⁵.

Такое ограничительное понимание предпринимательской сферы, происходящее за счет сужения круга субъектов преступления, является недопустимым, так как оно способствует не столько разграничению предпринимательской и иных экономических сфер, сколько выделению среди предпринимателей узкой группы лиц, наделяя их привилегиями по сравнению с остальными (например, предусматривая возможность освобождения от уголовной ответственности по ст. 76¹ УК РФ, декриминализацию предпринимательского мошенничества при размере ущерба менее 10 тыс. руб., запрет применения меры пресечения в виде заключения под стражу, специальный порядок проведения следственных действий в отношении данной категории лиц).

Необходимо отметить, что не только в уголовном законодательстве есть пробел в регулировании статуса самозанятых граждан.

Так, М.Д. Шапсугова указывает на нелогичность различного подхода к определению подсудности самозанятых граждан, имеющих статус индивидуального предпринимателя и не имеющих его: в первом случае споры рассматриваются в арбитражных судах, а во втором случае — в судах общей юрисдикции⁶. Такое двойственное положение самозанятых граждан не может не вызывать вопросов.

⁵ Пункт 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2017. 11 декабря.

⁶ Шапсугова М.Д. Проблемы подведомственности и подсудности споров с участием самозанятого как особого субъекта экономической деятельности с неопределенным правовым статусом // Юридические исследования. 2021. № 2. С. 9–23.

С одной стороны, их статус является альтернативным статусу индивидуального предпринимателя, однако они исключены из-под действия норм, регулирующих процессуально-правовой статус предпринимателя.

На противоречивость статуса самозанятых граждан указывает Е.Г. Крылова, отмечая, что «самозанятый предприниматель не использует иные активы, а также труд привлеченных со стороны людей. Однако у него, как и у других предпринимателей, нет гарантий, что затраченные средства окупятся и что произведенное будет продано с прибылью. С этим связан риск потерь всего или части его собственного имущества. Получается, что это предприниматель, но с особым статусом, так как только он один решает вопросы своей предпринимательской деятельности, т.е. сам занимается ею»⁷.

Гражданское законодательство также квалифицирует самозанятых граждан как предпринимателей: положения Гражданского кодекса РФ закрепляют, что в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя⁸. Кроме того, это исходит из самого понятия предпринимательской деятельности, отраженного в ст. 2 ГК РФ.

А.Н. Покида и Н.В. Зыбуновская полагают, что при отнесении занятого населения к группе самозанятых критериями являются: факт занятия трудовой деятельностью без найма работников, отсутствие работодателя, выполнение работ, оказание услуг или

реализация товаров собственного производства физическим (юридическим) лицам, юридический статус занятости, деятельность или занятие, приносящее материальный доход⁹.

Другими словами, самозанятых граждан от индивидуальных предпринимателей отличает только порядок регистрации и частично режимы налогообложения.

Отмеченное позволяет прийти к выводу, что объективных причин исключать самозанятых граждан из числа специальных субъектов предпринимательского мошенничества не имеется.

Кроме этого, самозанятые граждане вправе заниматься видами деятельности, аналогичными видам деятельности индивидуальных предпринимателей. Исключения связаны лишь с теми видами деятельности, которые в силу закона может осуществлять только индивидуальный предприниматель. Например, такие требования предъявляются к частной детективной деятельности¹⁰, образовательной деятельности¹¹, деятельности по оказанию услуг связи¹².

М.Г. Жилкин, рассмотрев проблему отнесения самозанятых к предпринимателям, также указывает, что такие граждане занимаются предпринимательской деятельностью. Однако он считает, что «в понятие «индивидуальные предприниматели», использованное в примечании 4 к ст. 159 УК РФ, применительно к рассматриваемым отношениям следует включать в том числе физических лиц, вставших на учет налогоплатель-

⁷ Крылова Е.Г. Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом // Юрист. 2017. № 6. С. 11–15.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁹ Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Самозанятые граждане и социальные гарантии // Власть. 2020. № 3. С. 165–172.

¹⁰ Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (ред. от 27.12.2019) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 17. Ст. 888.

¹¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

¹² Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

щика налога на профессиональный доход»¹³.

Вместе с тем, не отрицая факт сходства индивидуального предпринимательства и деятельности самозанятых граждан, не можем согласиться с М.Г. Жилкиным в части определения терминов «самозанятый гражданин» и «индивидуальный предприниматель». Это самостоятельные институты в силу разного порядка регистрации, а также разного подхода к налогообложению. Более того, изначальное понимание термина «самозанятость» включало деятельность индивидуальных предпринимателей.

А.А. Боровков указывает, что только некоторые категории самозанятых граждан могут быть включены в круг субъектов предпринимательского мошенничества по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ¹⁴. Так, автор отмечает, что деятельность нотариусов не является предпринимательской, кроме того, деятельность по оказанию юридических услуг по гражданско-правовым договорам нельзя однозначно признать непредпринимательской. В силу особенностей профессии такие лица, как правило, обеспечивают себя работой самостоятельно. Запрет «гонорара успеха» подтвердил отсутствие предпринимательского риска, придав оказанию юридических услуг публично-правовое значение¹⁵. Хотя мы считаем, что в деятельности адвокатов и юристов риск также присутствует, и он

может быть связан не только с профессией, но и с денежными потерями, так как большинство юристов в настоящее время работают в рамках определенных бизнес-моделей.

Также А.А. Боровков указывает на изменения ст. 217 НК РФ, которыми освобождены от налогообложения доходы лиц в виде выплат (вознаграждений), полученных физическими лицами, не являющимися индивидуальными предпринимателями, от физических лиц за оказание им следующих услуг для личных, домашних и (или) иных подобных нужд: по присмотру и уходу за детьми, больными лицами, лицами, достигшими возраста 80 лет, а также иными лицами, нуждающимися в постоянном постороннем уходе по заключению медицинской организации; по уборке жилых помещений, ведению домашнего хозяйства.

Таких лиц ученый также относит к предпринимателям, однако стоит отметить, что налоговое законодательство производно от гражданского, поэтому в первую очередь для правильного определения субъектного состава сферы предпринимательской деятельности мы должны руководствоваться нормами гражданского права, а во-вторых, здесь речь идет не о всех предпринимателях-самозанятых, а об освобождении от налога на доходы физических лиц определенной категории граждан, взывание налога с которых не будет соответствовать фискальной функции налога. Хотя именно изменения в налоговом праве являлись фактором появления такой категории в новом понимании.

При настоящем регулировании нет смысла каким-либо образом разграничивать самозанятых, индивидуальных предпринимателей и иных лиц. Так как диспозиция ч. 5 ст. 159 УК РФ — бланкетная, то исключения из правил (например, что касается тех же самых нотариусов) содержатся в специальных законах, поэтому мы считаем, что нужно вести речь не о дихотомии понятия

¹³ Жилкин М.Г. Предпринимательская деятельность самозанятых граждан: вопросы ответственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 11 (230). С. 23–28.

¹⁴ Боровков А.А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2018. С. 140–142.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 1.

«предпринимательская деятельность», а об исключении из-под действия норм о предпринимательстве. Отказавшись от примечания 4 к ст. 159 УК РФ (т.е. от определения субъектного состава отношений в предпринимательской деятельности), мы расширим пределы действия ч. 5–7 ст. 159 УК РФ до пределов предпринимательской сферы, которую очерчивает гражданское законодательство.

Таким образом, решением проблемы отнесения к субъектам ч. 5–7 ст. 159 УК РФ является отказ от собственного регулирования данных отношений уголовным правом (как отрасли-донора) и обращения в отрасль смежных отношений — гражданское право.

Однако в силу пробелов в гражданском праве мы считаем, что именно там необходимо разграничить понятия, определив, что общим термином должно быть — «лицо, самостоятельно

обеспечивающее себя работой», куда должны включаться самозанятые граждане, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, но являющиеся плательщиками налога на профессиональный доход, а также иные лица (нотариусы, адвокаты и т.д.), которые занимаются не предпринимательской, а иной экономической деятельностью (профессиональной) с точки зрения современного регулирования.

Итак, к субъектам предпринимательского мошенничества законодатель относит только индивидуальных предпринимателей и членов органов управления коммерческой организации. Мы считаем, что такое ограничение субъектов неверно. К субъектам также необходимо отнести самозанятых граждан, что будет наиболее точно отвечать принципам дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности в сфере экономической деятельности.

Литература

1. Боровков А.А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации : диссертация кандидата юридических наук / А.А. Боровков. Красноярск, 2018. 240 с.
2. Бурлак А.В. К вопросу о понятии «самозанятые граждане» / А.В. Бурлак // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 4 (49). С. 173–177.
3. Жилкин М.Г. Предпринимательская деятельность самозанятых граждан: вопросы ответственности / М.Г. Жилкин // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 11 (230). С. 23–28.
4. Крылова Е.Г. Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом / Е.Г. Крылова // Юрист. 2017. № 6. С. 11–15.
5. Покида А.Н. Самозанятые граждане и социальные гарантии / А.Н. Покида, Н.В. Зыбуновская // Власть. 2020. № 3. С. 165–172.
6. Шапсугова М.Д. Проблемы подведомственности и подсудности споров с участием самозанятого как особого субъекта экономической деятельности с неопределенным правовым статусом / М.Д. Шапсугова // Юридические исследования. 2021. № 2. С. 9–23.

Уважаемые авторы!

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, просим обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-9-43-46

Распределение бремени доказывания при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ

Миргородская Эльвира Руслановна,

адъюнкт второго курса очной формы обучения кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации
elva.takiulina@yandex.ru

В настоящей статье автором была рассмотрена проблема распределения бремени доказывания между заявителем жалобы и должностным лицом, на действия (бездействие) или решения которого подана жалоба в порядке ст. 125 УПК РФ. Установлено, что в настоящее время этот вопрос не решен на законодательном уровне. С учетом анализа точек зрения ученых, анализа судебных позиций по рассматриваемой проблеме, рассмотренных специальных правил перераспределения бремени доказывания автор пришел к выводу о том, что заявитель несет бремя обоснования «доводов», а должностное лицо, на действия которого была подана жалоба, обязано при выдвижении доводов доказать законность, обоснованность и мотивированность обжалуемого действия (бездействия) или решения.

Ключевые слова: бремя доказывания, заявитель, должностное лицо, доводы, обязанность.

Distribution of the Burden of Proof in Review of Complaints in Accordance with Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Elvira R. Mirgorodskaya

2nd Year Intramural Junior Scientific Assistant of the Department of Criminal Procedure of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

In this article, the author considered the problem of distributing the burden of proof between the applicant of the complaint and the official, against whose actions (inaction) or decisions a complaint was filed in accordance with Art. 125 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. It is established that at present this issue has not been resolved at the legislative level. Taking into account the analysis of the points of view of scientists, the analysis of judicial positions on the problem under consideration, the considered special rules for redistributing the burden of proof, the author came to the conclusion that the applicant bears the burden of substantiating the "arguments", and the official against whose actions the complaint was filed is obliged, when nominating arguments to prove the legality, validity and motivation of the contested action (inaction) or decision.

Keywords: burden of proof, applicant, official, arguments, obligation.

Одним из важнейших дискуссионных вопросов является вопрос о распределении бремени и обязанности доказывания. Следует отметить, что в настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс РФ не регламентирует вопрос о том, кто какие обстоятельства доказывает при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. Также среди ученых этот вопрос решается неоднозначно. Так, например, Е.В. Носкова, изучая вопрос о распределении бремени доказывания при рассмотрении судом жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, в своем монографическом исследовании отмечает, что «представляется, заявитель обязан доказать те обстоятельства, на которые он ссылается в жалобе, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, а должностное лицо (орган), чьи решения, действия (бездействие)

обжалуется, обязано доказать законность и обоснованность своих решений, действий (бездействия)»¹. Однако относительно обязанности доказывания заявителя Е.В. Носкова выдвигает противоречивые суждения. Так, несмотря на первоначальное утверждение о том, что «заявитель обязан доказать те обстоятельства, на которые он ссылается в жалобе, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ»², в дальнейшем автор сам отмечает, что «при этом заявитель жалобы в рамках производства по делам, вытекающим из публично-правовых отношений,

¹ Носкова Е.В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : монография. Томск. Изд-во ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», Западно-Сибирский филиал, 2013. С. 55.

² Там же.

освобождается от обязанности доказывать обстоятельства, на которые он ссылается»³.

Выявленное противоречие свидетельствует о том, что вопрос о распределении бремени доказывания является дискуссионным. Это означает, что ни законодатель, ни ученые однозначно не определили, кто должен нести обязанность доказывания тех или иных фактов, подлежащих установлению. Данный тезис также подтверждается результатами анкетирования.

Как показал опрос судей на вопрос о том, должен ли суд принимать активное участие в доказывании, 77% респондентов дали отрицательный ответ. Это говорит о том, что судьи считают, что стороны должны представлять доказательства, а суд — только выносить решение по жалобе. Почти 40% из 100% следователей, дознавателей считают, что бремя доказывания должен нести заявитель, еще одна треть (32%) — что бремя доказывания должны нести обе стороны (как заявитель, так и должностное лицо, чье действие (бездействие) или решение обжалуется). Лишь 11% из 100% считают, что бремя доказывания должно нести лицо, на действия или решения которого была подана жалоба.

Таким образом, мы видим, что даже следователи, дознаватели затрудняются однозначно ответить на вопрос о том, кто должен нести бремя доказывания. Разрешение поставленного вопроса представляется целесообразным начать с анализа понятия «бремя доказывания».

А.В. Кудрявцева определяет бремя доказывания как «ношу, тяжесть обоснования положительных утверждений и представления доказательств, движущей силой которой является интерес»⁴.

А.В. Смирнов выделяет два вида бремени доказывания: общее и специальное⁵. Общее бремя доказывания заключается в том, что каждая из сторон должна доказать то, о чем она утверждает. Специальное бремя доказывания может полностью перекладываться на одну сторону (одностороннее специальное бремя доказывания) или может распределяться

между сторонами «таким образом, что одной из них достаточно привести в пользу доказываемого положения лишь доводы, указывающие лишь на ту или иную степень вероятности своего тезиса; другой же стороне в этом случае придется с достоверностью презюмируемое положение опровергать» (встречное специальное бремя доказывания)⁶.

Рассмотрим, какие правила распределения бремени доказывания действуют между подателем жалобы и должностным лицом, на действия которого была подана жалоба в порядке ст. 125.

Т.Е. Сушина полагает: «В ходе судебного заседания инициаторы спора обязаны обосновать свою жалобу и представить доказательства, подтверждающие обстоятельства, на которых основаны их требования»⁷. Однако обязанность заявителя доказывать свою жалобу не закреплена ни в УПК РФ, ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁸. Законодатель в п. 1 этого постановления указал на то, что «в силу ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановление судьи, вынесенное по результатам рассмотрения жалобы, должно быть законным, обоснованным и мотивированным, основанным на исследованных материалах с проверкой доводов, приведенных заявителем». Исходя из данного положения, можно сделать вывод о том, что заявитель обязан представить доводы в обоснование своей жалобы. Обязанность заявителя представить доводы в обоснование своей жалобы не обязывает его представить доказательства, поскольку доводы не являются доказательством. Данный тезис обосновал Ю.П. Боруленков. Ученый отмечает, что доводом является «предложенная стороной юридического процесса в контексте правовой позиции речевая смысловая конструкция, в которой фактические данные (содержание процессуального доказательства) интерпретируются, нагружаются расширяющими их понимание опре-

³ Там же.

⁴ Кудрявцева А.В. Теория доказывания в юридическом процессе: учебное пособие. Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2006. С. 110–111.

⁵ Смирнов А.В. Формальные средства юридического доказывания в уголовном праве и процессе. URL: <https://www.iuaj.net/node/2382> (дата обращения: 09.06.2022).

⁶ Там же.

⁷ Антонович Е.К., Вилкова Т.Ю., Володина Л.М., Воронин М.И., Воскобитова Л.А. и др. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве / отв. ред. Л.Н. Масленникова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 275.

⁸ СПС «КонсультантПлюс».

деленными значениями, встраиваются в доказательственную (аргументационную) систему», а также «суждение стороны, основанное на факте»⁹. Ученый отмечает: «Одним из первых отметил нетождественность довода и доказательства С.В. Курылев, подчеркнувший, что «утверждения сторон (“ссылки”) сами доказательствами не являются»¹⁰. То есть доводы самими доказательствами не являются.

Как сказал А.В. Смирнов: «Бремя утверждения имеет место тогда, когда сторона несет неблагоприятные последствия, наступающие ввиду ее отказа выдвинуть сам тезис о существовании или несуществовании спорного обстоятельства»¹¹. Думается, это утверждение полностью подходит при подаче заявителем жалобы. Для заявителя, отказавшегося от подачи жалобы и выдвижения тезиса о совершении действия (бездействия) или принятии решения, способного нарушить его права, негативные последствия могут быть выражены прямым образом в нарушении конституционного права лица или ограничении его права на доступ к правосудию.

Таким образом, вопреки имеющейся в литературе точке зрения полагаем, что заявитель в данном случае имеет право, а не обязанность доказывания выдвигаемого тезиса и несет «бремя утверждения».

Развивая вопрос об участии сторон в доказывании при подготовке к рассмотрению в жалобе, следует рассмотреть вопрос о том, несет ли бремя или обязанность доказывания должностное лицо, чьи действия обжалуются. Данный вопрос в законе и рекомендациях высших судебных инстанций не разрешен.

Е.В. Носкова полагает, что «должностное лицо (орган), чьи решения, действия (бездействие) обжалуются, обязаны доказать законность и обоснованность своих решений, действий (бездействия)»¹².

Полностью соглашаясь с высказанной позицией по распределению бремени доказывания должностного лица, чье действие (бездействие) или решение обжалуется, Е.В. Носковой, приведем свои аргументы в защиту данного тезиса.

Во-первых, следователь является должностным лицом, реализующим принцип публичности. А.В. Кудрявцева под принципом публичности определяет: «...обязанность государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, во всех случаях обнаружения общественно опасного деяния расследовать и разрешить уголовное дело, обеспечить права и законные интересы участников уголовного процесса»¹³. Таким образом, обязанностью должностных лиц является защита прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Все их действия должны исходить из цели защиты интересов прав личности, и если нужно предпринять действия по защите данных прав — они должны их предпринять. В данном случае на этих должностных лицах лежит обязанность опровержения доводов, приведенных заявителем в жалобе.

Во-вторых, согласно специальному правилу бремени доказывания, когда одна сторона находится в процессуально более слабой позиции, чем другая сторона, тогда бремя (ноша) доказывания переходит полностью на одну сторону (односторонняя презумпция)¹⁴. Данные специальные правила перераспределения бремени доказывания кажутся нам обоснованными, когда одна из сторон может представить только доводы, не имея доказательств, а у другой стороны находятся все доказательства. Так, например, при рассмотрении жалобы заявителя на действия и.о. дознавателя в ходе осмотра места происшествия по выемке предметов и документов суд установил следующее: «Таким образом, в ходе осмотра 21.05.2020 года дознавателю надлежало выявлять предметы и документы, имеющие значение исключительно

⁹ Боруленков Ю.П. Довод как категория доказательственного права. Часть 1. Довод как риторическая конструкция системы судебного доказывания // Российский судья. 2019. № 3. С. 26.

¹⁰ Боруленков Ю.П. Довод как категория доказательственного права. Часть 1. Довод как риторическая конструкция системы судебного доказывания // Российский судья. 2019. № 3. С. 25.

¹¹ Смирнов А.В. Формальные средства юридического доказывания в уголовном праве и процессе.

¹² Носкова Е.В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : монография / Е.В. Носкова. Томск. Изд-во: ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», Западно-Сибирский филиал, 2013. С. 55.

¹³ Кудрявцева А.В. Публичность как принцип уголовного судопроизводства // Проблемы противодействия преступности в современных условиях. Часть I. Уфа : РИО БашГУ, 2003. URL: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/ufa20034/18.htm> (дата обращения: 18.05.2022).

¹⁴ Смирнов А.В. Стандарты доказанности: взаимосвязь с презумпциями и распределением бремени доказывания // Уголовный процесс. 2021. № 12. С. 73–74.

для проверки заявления Ковальчук С.В., причем бремя доказывания законности и обоснованности самого осмотра, действий, произведенных в ходе такового, лежит на стороне обвинения»¹⁵. Поскольку таких доказательств в части изъятого представлено не было, суд пришел к выводу о том, что в данном случае непредставление таких доказательств не может являться обоснованием законности и обоснованности действий в ходе обследования местности. Кроме того, ввиду того что указанное является оперативно-разыскным мероприятием, порядок которого регулируется Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, а не нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ¹⁶.

В-третьих, данное положение не является новым, и подобная практика имеется в странах постсоветского пространства. Согласно ч. 7 ст. 106 УПК Республики Казахстан, «бремя доказывания законности обжалованного действия (бездействия) или решения лежит на лице, совершившем или принявшем его»¹⁷.

¹⁵ Постановление Петроградского районного суда по делу № 3/12-84/2020 от 10 сентября 2020 г. // Архив Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по состоянию на

Таким образом, в данном случае, полагаем, бремя доказывания факта законности и обоснованности должно возлагаться и на должностное лицо, принявшее соответствующее решение, совершившее оспариваемое действие (бездействие).

С учетом поставленного нами в начале вопроса о распределении бремени доказывания полагаем, что на заявителя возлагается бремя утверждения доводов факта совершения оспариваемого решения, нарушения конституционного права возлагается на заявителя, бремя опровержения доводов заявителя, т.е. «бремя предоставления доказательства», надлежит доказывать государственному органу, принявшему соответствующее (обжалуемое) решение.

На основании изложенного предлагаем дополнить ст. 125 УПК РФ ч. 2.1 следующего содержания:

«На должностное лицо, чье действие (бездействие) или решение обжалуется, возлагается бремя предоставления доказательств с целью обоснования законности, обоснованности, мотивированности принятых решений, совершенных действий (бездействия)».

02.03.2022). URL: <https://online.zakon.kz/m/amp/document/31575852> (дата обращения: 09.06.2022).

Литература

1. Боруленков Ю.П. Довод как категория доказательственного права. Часть 1. Довод как риторическая конструкция системы судебного доказывания / Ю.П. Боруленков // Российский судья. 2019. № 3. С. 23–28.
2. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л.М. Володина [и др.] ; ответственный редактор Л.Н. Масленникова. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2017. 380 с.
3. Кудрявцева А.В. Публичность как принцип уголовного судопроизводства / А.В. Кудрявцева // Проблемы противодействия преступности в современных условиях : материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 16–17 октября 2003 г.). Часть 1 : сборник научных статей / редактор З.Д. Еникеев. Уфа : РИО БашГУ, 2003. 280 с.
4. Кудрявцева А.В. Теория доказывания в юридическом процессе : учебное пособие / А.В. Кудрявцева. Челябинск : ЮУрГУ, 2006. 221 с.
5. Носкова Е.В. Пределы судебного разбирательства в особом производстве по жалобам, рассматриваемым судом в порядке ст. 125 УПК РФ / Е.В. Носкова // Уголовная юстиция. 2013. № 2 (2). С. 32–35.
6. Носкова Е.В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : монография / Е.В. Носкова. Томск : ФГБОУ ВПО Российская академия правосудия Западно-Сибирский филиал, 2013. 222 с.
7. Смирнов А.В. Стандарты доказанности: взаимосвязь с презумпциями и распределением бремени доказывания / А.В. Смирнов // Уголовный процесс. 2021. № 12 (204). С. 86–94.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-9-47-50

Особенности исковой формы защиты права в административном судопроизводстве

Августина Ирина Дмитриевна,

судья в отставке, доцент кафедры арбитражного, гражданского и административного процесса Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (Российской правовой академии Минюста России), кандидат юридических наук
avgustina1664@mail.ru

В статье анализируются особенности исковой формы защиты права по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений; обосновывается мнение о существовании в административном судопроизводстве особого бесспорного производства; указывается на очевидную условность подразделения административных дел на две категории (ст. 1 Кодекса административного судопроизводства РФ) и целесообразность изменения структуры Кодекса административного судопроизводства РФ.

Ключевые слова: административное судопроизводство, структура Кодекса административного судопроизводства РФ, формы защиты права в административном судопроизводстве, виды производств, особенности административного иска.

Peculiarities of the Claim Form of Protection of Right in Administrative Proceedings

Irina D. Avgustina

Judge Emeritus

Associate Professor of the Department of Arbitral, Civil and Administrative Procedure of the North Caucasus Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)
PhD (Law)

The article analyzes the features of the claim form of protection of the right in cases arising from administrative and other public legal relations; substantiates the opinion on the existence of a special indisputable procedure in administrative proceedings; indicates the obvious conditionality of the division of administrative cases into two categories (Article 1 of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation) and the expediency of changing the structure of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation.

Keywords: administrative proceedings, the structure of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation, forms of legal protection in administrative proceedings, types of proceedings, features of an administrative claim.

Принятие и введение в действие Кодекса административного судопроизводства РФ явилось отправной точкой для нового взгляда на многие институты цивилистического судебного процесса. Актуальность приобрел вопрос о формах защиты права в административном судопроизводстве.

Обращает на себя внимание структура Кодекса административного судопроизводства РФ, в котором в общей части не указаны виды административного производства. В частности, нет в Кодексе административного судопроизводства РФ раздела, посвященного искомому административному производству. Между тем все категории административных дел, за исключением рассматриваемых

в порядке приказного производства, именуются исковыми административными делами, а инициаторы судебного процесса — административными истцами. Не предусмотрено в Кодексе административного судопроизводства РФ особое производство. Отдельно от общих положений (раздел 1) в Кодексе административного судопроизводства РФ регламентированы общие правила рассмотрения административных дел (раздел 3), в которых размещены нормы о приказном производстве (ст. 123.1–123.8 КАС РФ). В самостоятельный раздел выделены особенности производства по отдельным категориям административных дел (раздел 4), а упрощенное производство помещено в самостоятельный раздел,

следующий за разделом 4. Такая структура КАС РФ, на наш взгляд, нелогична и может быть объяснена доктринальным видением законодателя вопроса о видах административного производства.

Административное судопроизводство имеет свою специфику: состязательность в чистом виде ему не присуща, суд проявляет активность в процессе, в частности, самостоятельно определяет предмет доказывания по делу, по своей инициативе истребует доказательства и др. Активность суда обусловлена самим характером административных дел, предметом которых может являться спор с органом власти, должностным лицом, иным органом, наделенными властными полномочиями, о праве конкретного лица, но не гражданском, а публичном. Однако не все административные дела сопряжены с рассмотрением спора о публичном праве. Нужно отметить, что предметом административного судопроизводства наряду с делами о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций являются дела, связанные с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий (ст. 1 КАС РФ). Существует мнение, что подразделение административных дел на две группы связано с предметом судебной защиты: частный интерес по первой группе дел и государственный и общественный интерес по второй группе дел. Однако можно заметить, что включенные в каждую из указанных групп дела не являются однородными. Так, по делам об оспаривании нормативных правовых актов, отнесенных к первой группе дел, частный интерес заявителя сопряжен с общественным интересом, в связи с чем по таким делам невозможно заключение соглашения о примирении. По делам о взыскании денежных сумм в счет уплаты обязательных платежей и санкций, отнесенных ко второй группе дел, общественный интерес заявителя сопряжен с частным интересом должника. Следовательно, подразделение административных дел на две указанные группы во многом является условным. Некоторые административные дела, например, об оспаривании результатов

определения кадастровой стоимости, вообще не попали ни в одну из групп.

По нашему мнению, критерии разделения административных дел на группы должны быть иными. Имеет практический смысл разделение административных дел по видам производств. К одной группе можно отнести иски административные дела, в которых есть спор о праве, хотя и специфический (спор юридически неравных субъектов в правоотношении, где одна сторона всегда представлена органом, должностным лицом, наделенными властными полномочиями). К другой группе — дела, по которым спора о субъективном праве вовсе нет. В настоящее время все административные дела возбуждаются в суде путем предъявления административного иска, хотя в качестве административного истца по некоторым из них выступают лица, спор о субъективном праве которых не рассматривается и не разрешается судом. К примеру, по административному делу о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях в недобровольном порядке, административным истцом выступает медицинская организация, в которую помещен гражданин, либо прокурор (ст. 275 КАС РФ); по административному делу о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение — территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере миграции (ст. 266 КАС РФ); по административному делу об установлении административного надзора — исполнительное учреждение либо орган внутренних дел (ст. 270 КАС РФ) и т.д.

Формой рассмотрения и разрешения указанных административных дел в настоящее время является иски производств. Насколько соответствует административный иск по указанным категориям дел классической теории иска? Традиционно дела искового производства — это дела, связанные с разрешением спора о праве, в которых одно лицо (истец) обращается в суд за защитой своего нарушенного или оспариваемого права, а другое лицо (ответчик) привлекается к ответу по иску первого.

В процессуальной теории выделяют следующие признаки искового судопроизводства: 1) наличие материально-правового требования, вытекающего из нарушенного или оспоренного права стороны и подлежащего в силу закона рассмотрению в определенном порядке, установленном законом, т.е. иска; 2) наличие спора о субъективном праве. Спор о праве — это неисполнение обязанной стороной своих юридических обязанностей, т.е. нарушение субъективного права управомоченной стороны правоотношений; 3) наличие двух сторон с противоположными интересами, которые наделены законом определенными полномочиями по защите прав и интересов в суде¹.

Наличие спора о субъективном праве в публичных правоотношениях являлось предметом дискуссий. Некоторые ученые полагали, что в административно-правовом отношении не может быть спора ввиду неравенства субъектов, орган власти осуществляет свои полномочия независимо от другого субъекта правоотношения (гражданина, юридического лица), и задача суда — проверить законность действия органа власти, а не разрешить спор о праве². Другие ученые, напротив, полагали, что право гражданина, юридического лица на оспаривание в суде действий и решений органов власти сопряжено с разрешением спора о праве, но не гражданском, а административном³. С принятием Кодекса административного судопроизводства РФ законодательно закреплена искомая форма защиты по административным делам, что в целом не вызывает возражений. Между тем административные дела не являются однородными.

Так, по перечисленным выше административным делам можно заметить лишь один из трех признаков искового производства — наличие двух сторон, да и то с оговоркой, поскольку у административного истца и административного ответчика нет противоположных (в материальном смысле) интересов. Наличие двух сторон в деле, на наш взгляд, не является достаточным признаком для отнесения той или иной категории дел к искомому производству. К примеру, административный иск о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке предьявляет стационар. Какие материально-правовые требования содержатся в таком иске? К административному ответчику (лицу, помещенному в стационар без его письменного информированного согласия на медицинское вмешательство) никакие материально-правовые требования не предьявляются. Обращение к суду по такому делу связано исключительно с функцией судебного контроля за законностью действий самого так называемого административного истца, если таковым выступает лечебное учреждение. Судебное разбирательство состоит в выяснении обстоятельств, связанных с наличием предусмотренных законом исключений из общего правила добровольности оказания психиатрической помощи, психическим состоянием гражданина. В случае удовлетворения заявления решение суда служит правовым основанием для госпитализации гражданина в соответствующий стационар либо ее продления. Следовательно, таким решением не признается за административным истцом какое-либо субъективное публичное право, напротив, права так называемого административного ответчика ограничиваются. Аргумент о том, что такие административные иски предьявляются в общественных, государственных интересах, не изменяют особую юридическую природу этих административных дел. Нет оснований относить инициатора таких административных исков к истцам в процессуальном смысле, а носителем нарушенного материального права определять неопределенный круг лиц. Можно провести аналогию с тем, как в

¹ Гражданский процесс : учебник / под ред. М.К. Треушникова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Городец, 2019. С. 305.

² См., например: Бутнев В.В. Правовой спор и виды гражданского судопроизводства // Новеллы гражданского процессуального права: Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию М.С. Шакарян. М., 2004. С. 135; Елисейкин П.В. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе (его понятие, место и значение) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1974. С. 18.

³ См., например: Добровольский А.А. Исковая форма защиты права. Основные вопросы учения об иске. М. : Изд-во МГУ, 1965. С. 7–49.

порядке гражданского судопроизводства разрешается вопрос о признании гражданина недееспособным либо ограниченно дееспособным. Эти дела традиционно рассматриваются в порядке особого производства, поскольку в них нет спора о праве. Инициатор процесса именуется в них заявителем, а ответчика как такового нет. По таким делам суд проверяет наличие правовых оснований для ограничения гражданских прав конкретного гражданина по основаниям, предусмотренным в Гражданском кодексе РФ. Такая же задача стоит перед судом при рассмотрении дела о недобровольной госпитализации гражданина в стационар. Вряд ли можно назвать такого гражданина административным ответчиком. К слову сказать, по второй группе административных дел в Кодексе административного судопроизводства РФ противоположная административному истцу сторона административным ответчиком не именуется. Отметим, что ранее дела данной категории в рамках Гражданского процессуального кодекса РФ рассматривались в порядке особого производства. После включения таких дел в сферу правового регулирования Кодекса административного судопроизводства РФ их процессуальное качество не поменялось, следовательно, не могла измениться и процессуальная форма защиты права.

Исковая форма защиты права является универсальной, суть этой формы состоит в наличии определенного требования к ответчику, которое подлежит рассмотрению судом. Административные дела,

связанные с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий, при отсутствии какого-либо материально-правового требования к гражданину, организации целесообразно рассматривать в порядке особого производства. Не связанное с разрешением спора о праве судебное установление юридических фактов или состояний, а также контроль за правомерностью действий определенных органов является особым производством. По таким делам ввиду отсутствия спора о праве нет сторон с противоположными интересами. Лицо, возбуждавшее дело в порядке особого производства, именуется заявителем. Заявление в отличие от иска не направлено против каких-либо конкретных лиц, поскольку по требованию заявителя не требуется защита нарушенного либо оспоренного права. По нашему мнению, дела о госпитализации гражданина в медицинскую организацию любого профиля в недобровольном порядке, о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение, об установлении административного надзора должны рассматриваться в порядке особого административного производства, с соответствующими особому производству особенностями. Это означает, что по таким делам не может быть предъявлен встречный иск, заключено соглашение о примирении, произведена замена стороны и др.

Литература

1. Бутнев В.В. Правовой спор и виды гражданского судопроизводства / В.В. Бутнев // Новеллы гражданского процессуального права : материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию М.С. Шакарян (МГЮА, 30–31 января 2004 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор Н.А. Громошина. Москва : ТК Велби, Проспект, 2004. С. 134–136.
2. Гражданский процесс : учебник для студентов / Т.К. Андреева, В.В. Аргунов, Е.А. Борисова [и др.] ; под редакцией М.К. Треушникова. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Городец, 2019. 830 с.
3. Добровольский А.А. Исковая форма защиты права. Основные вопросы учения об иске / А.А. Добровольский. Москва : Издательство МГУ, 1965. 190 с.
4. Елисейкин П.В. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе (его понятие, место и значение) : автореферат диссертации доктора юридических наук / П.В. Елисейкин. Ленинград, 1974. 18 с.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-9-51-55

К вопросу о требованиях к уровню образования и профессиональному опыту для представителей отдельных профессий (должностей) правоохранительных и судебных органов в военной сфере

Вражнов Алексей Сергеевич,

преподаватель кафедры уголовного процесса Военного университета,
кандидат юридических наук
va75@rambler.ru

Никонович Сергей Леонидович,

заведующий кафедрой уголовного процесса Военного университета,
доктор юридических наук, доцент
trapezunt@yandex.ru

В статье рассмотрены требования, предъявляемые к уровню образования для секретаря судебного заседания и помощника прокурора, проходящих свою службу в гарнизонном военном суде (прокуратуре), а также к профессиональному опыту судей военных судов. По результатам анализа общих и специальных нормативных правовых актов, трудов исследователей и коллективной авторской позиции сформулированы научно-практические предложения по изменению российского законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: уровень образования, высшее образование, среднее профессиональное образование, магистратура, специалитет, бакалавриат, секретарь судебного заседания, помощник прокурора, судья военного суда, профессиональный опыт, офицер, военная служба, призыв, контракт.

On Requirements for the Level of Education and Professional Experience of Representatives of Separate Professions (Positions) of Law Enforcement and Judicial Authorities in the Military Sphere

Aleksey S. Vrazhnov

Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Military University
PhD (Law)

Sergey L. Nikonovich

Head of the Department of Criminal Procedure of the Military University
LL.D., Associate Professor

The article considers the requirements for the level of education for the secretary of the court session and the assistant prosecutor serving in the garrison military court (prosecutor's office), as well as the professional experience of judges of military courts. Based on the results of the analysis of general and special regulatory legal acts, the works of researchers and the collective author's position, scientific and practical proposals for changing Russian legislation in this area are formulated.

Keywords: education level, higher education, secondary vocational education, master's degree, specialty, bachelor's degree, secretary of the court session, assistant prosecutor, judge of the military court, professional experience, officer, military service, conscription, contract.

В последние годы в отечественном законодательстве наметилась тенденция по повышению требований к образовательному уровню для представителей ряда профессий (должностей) правоохранительных и судебных органов.

Указанная тенденция, оформляясь в различных нормативных правовых актах, затронула и военную сферу, распространяясь на минимальные квалификационные требования, предъявляемые к отдельным профессиям (должностям)

сотрудников гарнизонных военных судов и военных прокуратур.

В гарнизонном военном суде рассмотрим квалификационные требования, установленные российским законодательством для секретаря судебного заседания.

Указом Президента РФ от 27 ноября 2002 г. № 1368 «О внесении изменений и дополнений в некоторые указы Президента Российской Федерации»¹ секретарь судебного заседания был переведен из младшей группы в старшую группу должностей, и на него распространились требования Федерального закона от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации»², предусматривающие обязательное наличие высшего юридического образования³.

В дальнейшем аналогичные требования были закреплены и в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁴, а также конкретизированы в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 июля 2006 г. № 69 «Об утверждении квалификационных требований к должностям государственной гражданской службы в аппаратах федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и системе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации»⁵.

¹ Указ Президента РФ от 27 ноября 2002 г. № 1368 «О внесении изменений и дополнений в некоторые указы Президента Российской Федерации» (утратил силу) // СПС «Консультант-Плюс».

² Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» (утратил силу) // СПС «Консультант-Плюс».

³ До принятия Указа Президента Российской Федерации от 27 ноября 2002 г. № 1368 для занятия должности «секретарь судебного заседания» было достаточно среднего профессионального образования по юридической специальности.

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

⁵ В период времени с 1 августа 2006 г. по 25 июля 2008 г. Указом Президента РФ от 27 сентября

В настоящее время во исполнение вышеуказанного закона квалификационные знания и умения определены Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 31 июля 2017 г. № 139 «О квалификационных требованиях для замещения должностей федеральной государственной гражданской службы в федеральных судах общей юрисдикции, федеральных арбитражных судах и системе судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации»⁶, содержащим отсылочные нормы к Справочнику квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих, где для должности «секретарь судебного заседания» установлено высшее юридическое образование — бакалавриат.

2005 г. № 1131 «О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы (государственной службы иных видов) или стажу работы по специальности для федеральных государственных гражданских служащих» для секретаря судебного заседания, помимо высшего профессионального образования, также был установлен стаж работы по специальности не менее трех лет. См.: Указ Президента Российской Федерации от 27 сентября 2005 г. № 1131 «О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы (государственной службы иных видов) или стажу работы по специальности для федеральных государственных гражданских служащих» (утратил силу) // СПС «Консультант-Плюс»; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 июля 2006 г. № 69 «Об утверждении квалификационных требований к должностям государственной гражданской службы в аппаратах федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и системе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации» (утратил силу) // СПС «Консультант-Плюс».

⁶ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 31 июля 2017 г. № 139 «О квалификационных требованиях для замещения должностей федеральной государственной гражданской службы в федеральных судах общей юрисдикции, федеральных арбитражных судах и системе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

В должностном регламенте секретаря судебного заседания различных гарнизонных военных судов также содержится обязательное указание о том, что претенденты на замещение указанной должности должны иметь высшее юридическое образование⁷.

Предъявляемые современным законодательством требования, касающиеся обязательного высшего юридического образования (уровень бакалавриата) для должности «секретарь судебного заседания», на наш взгляд, являются чрезмерными, что обусловлено следующими причинами.

Во-первых, установление сходных требований, касающихся наличия высшего юридического образования для сотрудников вспомогательного состава аппарата суда и судейского корпуса, отличающихся лишь в его уровне (бакалавриат и специалитет/магистратура) и отсутствии (наличии) стажа работы по специальности, фактически нивелирует разницу в квалификации между данными лицами, что умаляет авторитет судебной власти.

Во-вторых, в профессиональные обязанности секретаря судебного заседания, что отмечается в научной литературе⁸ и подтверждается локальными актами конкретных судов⁹, входят в основном канцелярские функции (расылка повесток, оформление и передача документов, ведение протоколов, наполнение информацией подсистемы ГАС «Правосудие» и пр.), не требующие юридических навыков, получаемых имен-

но в процессе обучения в высшем учебном заведении.

В-третьих, отдельные гарнизонные военные суды размещены в небольших поселках и городах, где сложно подобрать сотрудников аппарата суда с высшим юридическим образованием среди местного населения.

Представляется, что по аналогии с секретарем судебного заседания гарнизонного военного суда и для иных должностей старшей группы категории «специалисты» (например, должность «секретарь суда»), установленные российским законодательством требования о высшем юридическом образовании также являются необоснованными.

В органах гарнизонной военной прокуратуры рассмотрим квалификационные требования, предъявляемые действующими нормативными правовыми актами к помощнику прокурора.

Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”»¹⁰ была упразднена норма, предусматривающая назначение на должность помощника прокурора лиц, не имеющих оконченного высшего юридического образования¹¹.

Впоследствии Федеральным законом от 6 февраля 2020 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в статьи 40.1 и 43.5 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации”»¹² были уточнены требования к уровню высшего юридического образования для лиц, претендующих

⁷ См., например: Должностной регламент секретаря судебного заседания Омского гарнизонного военного суда : опубликован 26.04.2019. URL: <http://ogvs.oms.sudrf.ru/modules.php?name=vacance&id=61> (дата обращения: 05.07.2022).

⁸ Бочаров Т.Ю., Волков В.В., Воскобитова Л.А., Дмитриева А.В. и др. Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации. М. : ЦСР, 2018. С. 25.

⁹ См., например: Выписка из должностного регламента секретаря судебного заседания Хабаровского гарнизонного военного суда : опубликован 18.09.2018. URL: <http://habargvs.hbr.sudrf.ru/modules.php?name=vacance&id=71> (дата обращения: 05.07.2022).

¹⁰ Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ В исключительных случаях до вступления в силу указанного закона на должность «помощник прокурора» в прокуратурах районов, городов и приравненных к ним прокуратур могло быть назначено лицо, обучающееся по юридической специальности не менее половины срока получения образования, установленного федеральным государственным стандартом, и не имеющее академической задолженности.

¹² Федеральный закон от 6 февраля 2020 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в статьи 40.1 и 43.5 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

на трудоустройство в органы прокуратуры на должности, по которым предусмотрено присвоение классных чинов. В соответствии с данным нормативным правовым актом в настоящее время должность помощника прокурора гарнизонной военной прокуратуры вправе занимать лишь лицо, имеющее высшее юридическое образование — специалитет или магистратура (при наличии ранее оконченного бакалавриата по юридической специальности).

Установленные вышеуказанными изменениями законодательства требования к помощнику прокурора, касающиеся недопустимости занятия данной должности с высшим юридическим образованием — бакалавриат, на наш взгляд, являются излишними, что обусловлено следующими причинами.

Во-первых, должностные обязанности помощника прокурора, как правило, не требуют научно-исследовательских знаний, умений и навыков, приобретаемых в магистратуре, и, следовательно, не выходят за пределы федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», утвержденного Приказом Минобрнауки России от 13 августа 2020 г. № 1011¹³ и предусматривающего освоение общетеоретических и отраслевых (межотраслевых) правовых дисциплин, прохождение различных видов практик, успешную сдачу государственного экзамена и (или) защиту выпускной квалификационной работы.

Во-вторых, в условиях стремительного развития информационных технологий лицо, имеющее высшее юридическое образование (уровень бакалавриат/специалитет), полученное им сразу же после окончания школы, зачастую, имеет более актуальные навыки в смежных с правом

отраслях знаний (например, инвестиционные и медийные инструменты), что позволяет ему более эффективно осуществлять прокурорский надзор в определенных сферах деятельности.

В-третьих, несмотря на большое число высших учебных заведений, не в каждом из них, особенно в отдаленных регионах, имеется возможность получить высшее юридическое образование (уровень специалитет/магистратура).

Помимо рассмотренных требований, предъявляемых к уровню образования, в российском военном законодательстве сохраняются нормы, которые закрепляют наличие специфического профессионального опыта от претендентов на отдельные государственные должности.

Наиболее ярким примером является должность судьи военного суда. К претендентам на данную должность предъявляются как общие требования, которые установлены ст. 4 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»¹⁴, так и специализированные требования военного законодательства.

В частности, ч. 2 ст. 27 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» закрепляет, что «преимущественным правом на назначение на должность судьи военного суда обладает военнослужащий, имеющий воинское звание офицера, а также гражданин, имеющий воинское звание офицера, пребывающий в запасе или находящийся в отставке»¹⁵.

На наш взгляд, предоставление преимущественного права на назначение на должность судьи военного суда любому гражданину, который имеет воинское звание офицера, но не является военнослужащим, является достаточно спорным положением законодательства. Пред-

¹³ Приказ Минобрнауки России от 13 августа 2020 г. № 1011 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ставляется, что данное право должно сохраняться лишь за теми офицерами, которые до момента зачисления в запас (выхода в отставку) проходили военную службу по призыву (контракту). Данное сужение перечня позволит ограничить преимущественное право на назначение на должность судьи военного суда для лиц, которые фактически не имеют релевантного воинского опыта, так как ими были окончены военные кафедры (военные учебные центры) в (при) гражданских высших учебных заведениях, или воинское звание офицера было присвоено в порядке переаттестации при переводе из иного органа государственной власти.

Кроме этого, по аналогичным основаниям необходимо распространить преимущественное право на назначение на должность судьи военного суда и на лиц, которые не имеют воинского звания офицера, но проходили военную службу по призыву (контракту).

Подводя итог вышеизложенному анализу квалификационных требований, применительно к отдельным профессиям (должностям), предлагаем внести следующие изменения в нормативные правовые акты.

1. Часть 4 ст. 12 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» дополнить слово-

сочетанием «кроме случаев, установленных специальным законодательством», предусмотрев применительно к военной сфере в законах, а также в подзаконных и корпоративных нормативных правовых актах снижение требований к категории «специалисты» старшей группы должностей гражданской службы, допустив для них наличие среднего профессионального (юридического) образования.

2. Пункт 1 ст. 40.1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» дополнить нижеуказанным абзацем:

«На должности помощников прокуроров военных прокуратур объединений, соединений, гарнизонов в исключительных случаях могут назначаться лица, получившие по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации «бакалавр»».

3. Часть 2 ст. 27 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» изложить в следующей редакции:

«2. Преимущественным правом на назначение на должность судьи военного суда обладает военнослужащий, имеющий воинское звание офицера, а также гражданин, прошедший военную службу по призыву (контракту)».

Литература

1. Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации / Т.Ю. Бочаров, В.В. Волков, Л.А. Воскобитова [и др.]. Москва : ЦСР, 2018. 116 с.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-9-56-59

Пределы применения судами общей юрисдикции положений международных договоров, содержащих уголовно-правовые нормы

Князькина Анастасия Константиновна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
knyazkina_a@mail.ru

В статье анализируются вопросы применения судами в ходе рассмотрения уголовных дел норм международных договоров, рассматриваются варианты как опосредованного, так и непосредственного применения международных соглашений, предлагаются общие критерии и подходы, которыми должны руководствоваться суды при применении норм международного права. В работе исследуются различные подходы к применению самоисполнимых и несамоисполнимых международных договоров, а также о возможности такого применения по уголовным делам. Автор приходит к выводу о том, что требуется разработка отдельного постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором давались бы разъяснения по применению международных соглашений конкретно в уголовно-правовой сфере и содержался перечень таких договоров.

Ключевые слова: международный договор, Уголовный кодекс РФ, самоисполнимые договоры, несамоисполнимые договоры, Постановление Пленума Верховного Суда, применение права.

Limits of Application of Criminal Law Provisions of International Agreements by General Jurisdiction Courts

Anastasia K. Knyazkina
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Kuban State University
PhD (Law), Associate Professor

The article analyzes the issues of application by the courts during the consideration of criminal cases of the norms of international treaties, considers options for both indirect and direct application of international agreements, suggests general criteria and approaches that courts should be guided by when applying the norms of international rights. The paper explores various approaches to the application of self-executing and non-self-executing international treaties, as well as the possibility of such application in criminal cases. The author comes to the conclusion that it is necessary to develop a separate resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which would provide explanations on the application of international agreements specifically in the criminal law sphere and contain a list of such agreements.

Keywords: international treaty, the Criminal Code of the Russian Federation, self-executing agreements, non-self-executing agreements, resolution of the Plenum of the Supreme Court, application of law.

Необходимость применения судами общей юрисдикции международных договоров вытекает непосредственно из положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные соглашения Российской Федерации представляют собой неотъемлемую часть ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации предусмотрены иные правила, чем установлены внутри-

государственным законом, то применяются правила международного договора. При этом в соответствии с ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»¹ положения международных соглашений, которые были опубликованы официально и не требуют для своего применения принятия внутригосударственных актов,

¹ СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

действуют в Российской Федерации непосредственно (иначе их именуют *самоисполнимые*)². Для реализации иных положений международных договоров должны быть приняты соответствующие внутригосударственные нормативные акты (*несамоисполнимые*)³.

Этот же подход прослеживается и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»⁴, в п. 3 которого отмечается, что о невозможности непосредственного применения положений международного акта свидетельствуют в том числе существующие в таком соглашении указания на обязательства сторон договора изменить свое национальное законодательство⁵. В п. 5 Постановления специально оговорено, что непосредственно также могут применяться международные договоры, устанавливающие иные правила судопроизводства, чем национальное законодательство, а также когда таким договором регулируются правоотношения, в том числе отношения с иностранными лицами, ставшие предметом судебного рассмотрения.

² См.: Коняхин В.П. Взаимосвязь международного и внутригосударственного уголовного права: законодательный и правоприменительный аспекты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 6 (293). С. 88; Международное уголовное право / под общ. ред. А.В. Бриллиантова; отв. ред. А.А. Арямов, Г.А. Русанов. М., 2022. С. 16.

³ См. например: Кибальник А. Порядок применения международного уголовного права в национальной юрисдикции // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 61–62; Наумов А.В., Кибальник А.Г., Орлов В.Н., Волосюк П.В. Международное уголовное право. 4-е изд. М., 2019. С. 55–58; Кадырова Н.Н. Применение международного уголовного права в юрисдикции Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. Вып. 26. С. 70–73.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

⁵ См. также: Цивадзе Н.А. Применение норм международного права судами Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 26.

Принципиально важные положения, имеющие отношение к предмету исследования, содержатся в п. 6 названного Постановления Пленума. По общему правилу международные акты, содержащие нормы, описывающие признаки конкретных преступлений, не могут применяться судами непосредственно ввиду того, что в тексте таких договоров содержится прямая обязанность государств-участников криминализовать соответствующее деяние на национальном уровне, т.е. включить его непосредственно в текст национального уголовного закона.

Это также базируется на положениях ст. 8 УК РФ, согласно которой уголовной ответственности подлежит только то лицо, которое совершило деяние, содержащее все признаки состава преступления. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 1 УК РФ, уголовное законодательство России состоит только из Уголовного кодекса РФ. Все новые законодательные акты, устанавливающие преступность деяния и наказание за него, должны быть включены в Уголовный кодекс РФ.

На первый взгляд, исходя из существующих положений, кажется очевидным, что уголовное законодательство не допускает возможности непосредственного применения норм международного права. Однако такой подход представляется не совсем верным⁶.

Так, согласно абз. 3 п. 6 Постановления Пленума «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», если норма российского уголовного закона прямо устанавливает необходимость применения международного договора, т.е. является бланкетной восходящей нормой (например, ст. 355 и 356 УК РФ), то такие международные договоры, хотя они и непосредственно

⁶ См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 96–101.

предусматривают признаки конкретных составов преступлений, тем не менее могут напрямую применяться судами в Российской Федерации.

Например, ч. 1 ст. 356 УК РФ предусматривает ответственность в том числе за жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, не раскрывая данные понятия. Для уяснения сути рассматриваемого состава преступления необходимо обращение к положениям международных договоров. Так, понятие военнопленных содержится в Женевской конвенции об обращении с военнопленными (Женевская конвенция № 3) от 12 августа 1949 г.⁷, а понятие гражданского населения — в Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (Женевская конвенция № 4) от 12 августа 1949 г.⁸ К жестокому обращению с указанными категориями лиц можно отнести преднамеренное убийство, пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, преднамеренное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью, незаконное депортирование, перемещение и арест указанных лиц, принуждение их служить в вооруженных силах неприятельской державы или лишение права на беспристрастное и нормальное судопроизводство, взятие заложников, незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью, и другие действия (ст. 130 Женевской конвенции № 3; ст. 147 Женевской конвенции № 4).

Таким образом, криминализация рассматриваемого деяния осуществлена весьма своеобразным образом: путем содержащейся в норме российского уголовного закона непосредственной отсылки к положениям международного договора.

⁷ Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 125—204, 279—280.

⁸ Там же. С. 204—278, 280.

Также в силу ч. 4 ст. 11 УК РФ вопрос о привлечении к уголовной ответственности лиц, обладающих иммунитетом согласно нормам международного права, если указанные лица совершили преступление на территории России, должен решаться в соответствии с нормами международных договоров, регулирующих указанные положения. Иными словами, также при непосредственном применении положений международных соглашений.

В литературе также предлагается для облегчения применения положений международных договоров разработать Международные основы уголовного законодательства Российской Федерации, которые бы выступали в качестве рекомендаций при толковании уголовно-правовых норм, вытекающих из международных актов. В эти Основы предлагается также ввести положения международно-правовых актов, регулирующие вопросы уголовного права, с указанием статей Уголовного кодекса РФ, посредством которых реализуются международно-правовые нормы, принципы, рекомендации⁹.

Как представляется, разработка указанных основ или перечня действительно облегчили бы судьям процедуру применения норм уголовного закона, имеющих международно-правовую природу, однако думается, что такой акт не должен носить обязательный характер, кроме того, любое изменение статуса международного договора, ратификация новых соглашений и др. неизбежно приведут к его пересмотру. Отражение же международной специфики такого рода преступлений без издания дополнительных актов возможно путем использования в действующем уголовном законе норм, содержащих восхо-

⁹ Трунцевский Ю.В. Нормы международного права как источник российского уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995. С. 93. По сути, В.П. Коняхин предлагает сходное решение — подготовить специальный перечень международных правовых актов, которому может быть придан статус обязательного приложения к УК РФ (см.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части... С. 102).

дящие бланкетные диспозиции. Это сразу бы сделало необходимым обращение к соответствующему договору.

В то же время было бы весьма целесообразным разработать отдельное постановление Пленума Верховного Суда РФ, в котором высшей судебной инстанцией давались бы разъяснения нижестоящим судам по применению международных соглашений конкретно в уголовно-правовой сфере и содержался перечень таких договоров. Такой подход уже доказал свою эффективность на примере Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания»¹⁰.

¹⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 8.

Подводя итог проведенному исследованию, важно отметить следующее. По общему правилу нормы международных договоров в сфере уголовного права не подлежат непосредственному применению, поскольку требуют включения в текст уголовного закона. Исключение составляют случаи, когда непосредственно в тексте Уголовного кодекса РФ содержится отсылка к международным соглашениям, регулирующим правоотношения, о которых идет речь в национальной уголовно-правовой норме. Кроме того, правоприменителям легче было бы применять соответствующие международно-правовые нормы, если бы Пленумом Верховного Суда РФ было принято отдельное постановление, содержащее разъяснение по применению международных договоров в уголовно-правовой сфере и перечень применимых международных договоров.

Литература

1. Кадырова Н.Н. Применение международного уголовного права в юрисдикции Российской Федерации / Н.Н. Кадырова // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 26. С. 70–73.
2. Кибальник А. Порядок применения международного уголовного права в национальной юрисдикции / А. Кибальник // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 61–62.
3. Коняхин В.П. Взаимосвязь международного и внутригосударственного уголовного права: законодательный и правоприменительный аспекты / В.П. Коняхин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 6 (293). С. 81–91.
4. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В.П. Коняхин. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. 346 с.
5. Международное уголовное право : учебник для вузов / под общей редакцией А.В. Бриллиантова ; ответственные редакторы А.А. Арямов, Г.А. Русанов. Москва : Юрайт, 2022. 358 с.
6. Наумов А.В. Международное уголовное право. 4-е изд. / А.В. Наумов, А.Г. Кибальник, В.Н. Орлов, П.В. Волосюк. Москва : Юрайт, 2019. 510 с.
7. Трунцевский Ю.В. Нормы международного права как источник российского уголовного права : диссертация кандидата юридических наук / Ю.В. Трунцевский, Рязань, 1995. 194 с.
8. Цивадзе Н.А. Применение норм международного права судами Российской Федерации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Н.А. Цивадзе. Москва, 2005. 30 с.

**Есть ли будущее у института уголовной ответственности юридических лиц?
Рецензия на книгу: Федоров А.В.
Уголовная ответственность юридических лиц
в постсоветских государствах : монография.
М. : Юрлитинформ, 2022. 248 с.**

Антонова Елена Юрьевна,
декан юридического факультета Дальневосточного юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
antonovy@yandex.ru

Голик Юрий Владимирович,
профессор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук
ygolik@list.ru

Коробеев Александр Иванович,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
akorobeev@rambler.ru

**Is There a Future for the Institution of Criminal Liability of Legal Entities?
Review of the Book: Fedorov A.V. Criminal Liability of Legal Entities
in Countries of the Former Soviet Union : Monograph. Moscow :
Yurlitinform, 2022. 248 p.**

Elena Yu. Antonova
Dean of the Law Faculty of the Far Eastern Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation
LL.D., Professor

Yury V. Golik
Professor of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
LL.D.

Aleksandr I. Korobeev
Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law School
of the Far Eastern Federal University
Honored Scientist of the Russian Federation
LL.D., Professor

Проблема уголовной ответственности юридических лиц уже три десятка лет не сходит со страниц научных изданий. Высказана масса аргументов pro и contra, а законодатель все никак не решится определиться с этим вопросом. В прин-

ципе это нормально, но процесс все-таки затянулся.

В этой связи исследование А.В. Федорова посвящено важной проблеме теории уголовного права — уголовной ответственности юридических лиц, которая

приобретает все большую и большую актуальность.

Автор обращает внимание читателя на то, что в настоящее время законодательства уже более чем 80 государств предусматривают уголовную ответственность юридических лиц. Не исключением являются и государства постсоветского пространства, которые последовательно, начиная с 2000 по 2021 г. установили в уголовном законодательстве нормы, регламентирующие либо уголовную ответственность юридических лиц, либо иные принудительные меры уголовно-правового характера (меры безопасности; меры защиты; последствия осуждения юридического лица; обеспечительные меры и др.) в отношении последних.

В российском уголовном законодательстве институт уголовной ответственности юридических лиц так и не появился. В связи с этим обращение автора к изучению опыта регламентации данного института в уголовном законодательстве зарубежных стран постсоветского пространства — стран, имеющих общий с Россией опыт построения правовой системы и единое историко-политическое прошлое, является важным и полезным.

Как справедливо отмечал С. Будзинский, «сравнение обязательных законодательств приносит более и более пользы, не только новейшим законодательным реформам, но и науке. Указание — каким образом кодексы разных государств разрешают данный спорный в науке вопрос, и в какой степени это оказалось практичным, бросает свет на науку, расширяет ее горизонт, предохраняет от ошибок и запутанности и объясняет, какие улучшения могут быть сделаны в данном государстве»¹. В этой связи не вызывает сомнений значимость проведенного А.В. Федоровым компаративного анализа института уголовной ответственности юридических лиц.

Рецензируемая монография состоит из введения (с. 3–8), трех глав, заключения и библиографического списка.

Во введении автор отразил состояние научной разработанности вопросов, по-

священных уголовной ответственности юридических лиц, акцентировав внимание на том, что работы ряда российских ученых оказали «существенное влияние на развитие уголовного законодательства об ответственности юридических лиц на постсоветском пространстве» (с. 3). Именно поэтому, проводя свое исследование, автор обращается к широко известным трудам, посвященным институту уголовной ответственности юридических лиц, А.В. Наумова, Б.В. Волженкина, А.И. Бастрыкина, П.Н. Бирюкова и др., подчеркивая, что «уголовное законодательство об ответственности юридических лиц на постсоветском пространстве как объективная реальность имеет научный фундамент, составленный в том числе трудами российских ученых» (с. 5).

В основной части работы А.В. Федоров последовательно рассматривает историю становления и развития института уголовной ответственности юридических лиц в постсоветских государствах Балтии (Литовской Республике, Эстонской Республике, Латвийской Республике), Республике Молдова и Республике Украина, в государствах Закавказья и Средней Азии (Грузии, Азербайджанской Республике, Кыргызской Республике, Республике Армения). Во всех выбранных для изучения постсоветских государствах рассматриваемый институт имеет свои особенности, что последовательно отражено в каждой главе работы.

Несомненным достоинством монографии является то, что автор, обосновывая введение института уголовной ответственности юридических лиц в каждом государстве, делает акцент на соответствующие нормативные правовые акты, на основании которых такое решение было принято. Так, в Литве, Эстонии, Латвии установление уголовной ответственности юридических лиц обусловлено не только переходом от социалистической экономики к рыночной, но и необходимостью приведения национального законодательства в соответствие с нормами ряда актов Европейского союза (ЕС), а также выполнением требований Организации экономического сотрудничества и развития к государствам, входящим в эту организацию (с. 11, 40). В Молдове, Украине, Грузии появление уголовной

¹ Начала уголовного права. Сочинение С. Будзинского. Варшава: Главный склад в книжных магазинах Кожанчикова в С. Петербургъ, Варшавъ, 1870. С. 10.

ответственности юридических лиц связано со стремлением политического руководства этих государств обеспечить их прием в члены ЕС (с. 81, 146).

Отмечается, что на Украине впервые уголовная ответственность юридических лиц была установлена специальным Законом от 11 июня 2009 г. № 1507-VI «Об ответственности юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений», который в последующем был отменен. Повторно уголовная ответственность юридических лиц установлена на Украине уже в самом уголовном законе.

В Азербайджане введение уголовной ответственности юридических лиц, как отмечается в работе, во многом обусловлено ориентацией Азербайджана на Турцию и страны Европы, признающие такую ответственность, и выполнением соответствующих рекомендаций под контролем международных организаций (с. 164), а в Армении — выполнением требований Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и рекомендаций Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией Организации экономического сотрудничества и развития (с. 209).

В Киргизии нормы об уголовной ответственности юридических лиц появились в Уголовном кодексе 2017 г., вступившем в силу с 1 января 2019 г., что было обусловлено ратификацией международных договоров, а также использованием зарубежного опыта (с. 183–184). В 2021 г. в Киргизии вступил в силу новый Уголовный кодекс, в который нормы об уголовной ответственности юридических лиц уже не вошли (с. 200–205). Комментируя такое непостоянство законодательства и исключение рассматриваемого в работе института, А.В. Федоров правильно пишет: «Опыт Киргизии подтверждает верность тезиса о том, что закон является инструментом реализации политики государства, основу которого составляют определенные экономические и социальные интересы» (с. 202).

Отличительная особенность труда состоит в том, что автор исследовал институт уголовной ответственности юридических лиц в постсоветских государствах комплексно — изучив не только нормы уголовного, но и уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного

законодательства. В работе описываются не только условия и основания привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, меры уголовно-правового воздействия, которые могут применяться к ним, но и особенности уголовно-процессуального порядка привлечения таких субъектов к уголовной ответственности, процедуры досудебного расследования и рассмотрения уголовного дела в отношении юридических лиц и их осуждения, процессуальные меры принуждения, а также порядок исполнения приговоров и применения принудительных мер к юридическим лицам.

В необходимых случаях автор прибегает и к анализу нормативных правовых актов другой отраслевой принадлежности. Например, для характеристики понятия «юридическое лицо» исследователь изучает нормы гражданского законодательства соответствующего государства. Анализируя положения Уголовного кодекса Литвы об уголовной ответственности юридических лиц, А.В. Федоров апеллирует к решениям Конституционного и Верховного судов Литвы, приказам Генерального прокурора Литвы, а при рассмотрении данного института по Пенитенциарному кодексу Эстонии ссылается на решения Верховного суда государства.

Кроме того, автор детально рассматривает условия привлечения юридических лиц к уголовной ответственности или применения иных принудительных мер уголовно-правового характера в законодательствах исследуемых государств.

Отметим, что при решении вопроса о признании юридического лица субъектом преступления (уголовной ответственности) остро встает проблема вины, поскольку, по мнению некоторых ученых, такая ответственность противоречит принципу виновности, и, следовательно, недопустима. Раскрывая особенности института уголовной ответственности юридических лиц в постсоветских государствах, А.В. Федоров не обошел вниманием трудности, связанные с установлением такого обязательного признака субъективной стороны любого преступления, как вина. О сложности данного вопроса свидетельствует тот факт, что, например, в литовском законодательстве вина юридического лица не определяется,

в Уголовном кодексе Молдавии определение вины дано только применительно к физическим лицам. Данный вопрос в государствах постсоветского пространства решается лишь на доктринальном уровне.

При этом в работе подчеркивается, что в разных странах используется различный подход к определению вины юридического лица. В Литве ученые исходят из того, что «деяние и вина совершившего противоправное деяние физического лица, действующего в интересах юридического лица, «трансформируется и применяется (присуждается) юридическому лицу», в интересах которого действовало это физическое лицо» (с. 16–17). В Эстонии реализована идентификационная модель уголовной ответственности юридического лица, при которой оно несет ответственность в результате совершения виновного деяния физическим лицом в интересах юридического лица. При этом у юридического лица отсутствует вина, если совершенное его компетентным представителем деяние было для юридического лица неизбежным (с. 44, 50). В Латвии, Грузии, Азербайджане, Армении установлена «расширенная идентификационная модель», когда к юридическому лицу применяются меры принудительного характера и (или) наказания не только в случае совершения уголовного правонарушения ответственным физическим лицом, но и в случае, когда совершение уголовного правонарушения стало возможным вследствие отсутствия должного контроля со стороны юридического лица (с. 63, 148, 167, 213).

В работе акцентируется внимание на то, что по Уголовному кодексу Литвы, Латвии, Пениitenciарному кодексу Эстонии юридические лица могут привлекаться к уголовной ответственности как за умышленные, так и за неосторожные уголовные правонарушения (с. 24, 45), а по Уголовному кодексу Молдовы — только за умышленные преступления (с. 93).

Автор не обошел стороной и вопрос о том, за совершение каких противоправных деяний (уголовных правонарушений) юридическое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности. Исследователь обнаруживает, что в Литве, Молдове, Грузии первоначально в национальном законе определяются

деяния, признаваемые уголовными правонарушениями, а затем из имеющегося перечня уголовных правонарушений определяются те, за которые возможна уголовная ответственность юридических лиц. Такой процесс А.В. Федоров называет «вторичной» или «избирательной» криминализацией.

Уголовный кодекс Армении не содержит перечня преступлений, за совершение которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц, отсюда автор делает вывод о том, что такой субъект при наличии соответствующих оснований может быть подвергнут мерам уголовно-правового воздействия за любое преступление (с. 212).

Интересным представляется и тот факт, что перечень преступлений, за совершение которых юридическое лицо может быть подвергнуто мерам уголовно-правового воздействия, в уголовном законодательстве большинства государств постсоветского пространства постоянно увеличивается (в Литве первоначально юридическое лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности за совершение 53 составов преступлений, а по состоянию на 2021 г. — за 132 состава; в Эстонии первоначально — 148, на 2021 г. — 316; на Украине первоначально — 12, на 2021 г. — 50; в Азербайджане первоначально — 16, на 2021 г. — 70; из 18 глав Особенной части Уголовного кодекса Молдовы лишь 4 главы не содержат норм об ответственности юридических лиц).

Большой блок в работе отведен описанию принудительных мер уголовно-правового характера, которые могут применяться к юридическим лицам. В Литве, Молдове к юридическим лицам применяются уголовные наказания и иные меры уголовно-правового воздействия (меры безопасности), в Эстонии, Грузии, Азербайджане — уголовные наказания (которые могут быть основными и дополнительными), в Латвии, Украине, Армении — только иные принудительные меры уголовно-правового воздействия (меры уголовно-правового характера).

Сквозь призму зарубежного законодательства государств постсоветского пространства автору удалось показать сущность института уголовной ответ-

ственности юридических лиц, продемонстрировать его характерные черты в зависимости от национальных особенностей конкретного государства и оснований его регламентации.

Для работы характерен выдержанный, логически последовательный стиль изложения материала.

Проведенное исследование позволило выявить основные тенденции развития уголовного законодательства об уголовной ответственности юридических лиц в зарубежных странах постсоветского пространства и окажет существенную помощь в выработке теоретической модели законодательной конструкции данного института. Полагаем, что работа А.В. Федорова вносит весомый вклад в развитие уголовно-правовой теории об ответственности юридических лиц и определяет перспективные направления для дальнейших исследований обозначенных в работе проблем.

В заключение отметим, что признание юридических лиц субъектами уголовной ответственности в России — это просто вопрос времени. Более того, сама рассмотренная проблема выводит нас на целый комплекс других проблем. Например, уголовная ответственность государства². У нас государство не является юридическим лицом, а во Франции — это публичное юридическое лицо, и дело не только

в названии. А искусственный интеллект? В литературе рассматривается вопрос о возможном признании искусственного интеллекта в недалеком будущем самостоятельным субъектом преступления³. Но это не физическое и не юридическое лицо. Строго говоря, сегодня это вообще не «лицо». Но мы не знаем, что будет завтра. Можно привести и другие примеры, но не в их количестве дело. А.В. Федоров, как автор монографии, и мы вместе с ним на верном пути исследования и решения поставленной проблемы. И это главное.

Автору монографии остается лишь порекомендовать продолжить свое исследование института уголовной ответственности юридических лиц, распространив его на зарубежное законодательство других стран мира. Особый интерес в этом плане может представлять Уголовный кодекс Китая, в котором анализируемый институт появился лишь в 1997 г. Примечательно, что в его Особенной части данному институту посвящены только две статьи. Уголовная ответственность юридических лиц наступает лишь в случаях, когда об этом прямо указано в статьях Особенной части Уголовного кодекса или в специальных законах. Надо заметить, что перечень таких статей достаточно обширен и они представляют несомненный интерес и для российского законодателя⁴.

² См.: Бабурин С., Голик Ю. Государство как субъект преступления // Российская газета. 2007. 31 января. С. 18; Голик Ю.В. Грузия должна быть признана субъектом преступления // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 2 (17). С. 84–87 и др.

³ См.: Иващенко М.А. Новые формы организованной преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

⁴ См.: Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. проф. А.И. Чучаева и проф. А.И. Коробеева. М. : Контракт, 2021.

Литература

1. Бабурин С. Государство как субъект преступления / С. Бабурин, Ю. Голик // Российская газета. 2007. 31 января.
2. Будзинский С. Начала уголовного права / С. Будзинский. Варшава : Главный складъ въ книжныхъ магазинахъ Кожанчикова въ С. Петербургѣ, Варшавѣ, 1870. 362 с.
3. Голик Ю.В. Грузия должна быть признана субъектом преступления / Ю.В. Голик // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 2 (17). С. 84–87.
4. Иващенко М.А. Новые формы организованной преступности : автореферат диссертации кандидата юридических наук / М.А. Иващенко. Москва, 2022. 34 с.
5. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общей редакцией А.И. Чучаева, А.И. Коробеева ; перевод с китайского Хуан Даосю. 2-е изд. Москва : Контракт, 2021. 312 с.
6. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах : монография / А.В. Федоров. Москва: Юрлитинформ, 2022. 248 с.